

84Р6К
0-23

«ОБРАЗ»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
№ 3 2016 г.

Кемерово
Офсет
2016

16+

исл. 7-31-45

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

84Р6К
0-23

«ОБРАЗ»

литературный альманах

№3(11) 2016г.

*Вся работа над
альманахом
сделана
12.07.16*

Кемерово
Офсет
2016

99938/10

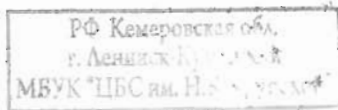
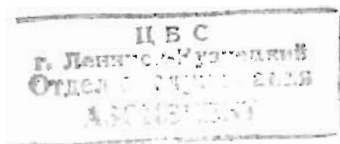
Содержание:

Поэзия

Василий Киселёв	29
Полина Орынянская	34
Тариэл Цхварадзе	39
Владимир Ткаченко.....	44
Наталья Поляченкова.....	67
Максим Кучеренко	72
Алексей Гамзов.....	78
Амарсана Улзытуев.....	83
Борис Гринберг.....	88
Василий Гуляев	93

Проза

Юлия Лавряшина	3
Борис Пейгин	50

Лавряшина Юлия Александровна. Автор более 30 книг прозы и сборника стихотворений, ряда киносценариев и пьес.

Член Союза писателей России с 1995 года. Родилась 3 мая 1965 года в городе Кемерово. Окончила Кемеровский государственный институт культуры, библиотечный факультет. Замужем, трое детей. В настоящее время живет в городе Королёв

Юлия Лавряшина
г. Королёв

Рыцарь в змеиной коже

Начало см. в №1и №2 за 2016 год

Глава 13

Доказательство отцовской любви

В Машином доме было много места, но не возникало ощущения простора. Были высокие потолки, но не хватало воздуха. По крайней мере, так показалось Лею, хотя, может, это сказывалось волнение, ведь он встретился с людьми совсем из другого мира. Который пока не очень ему нравился... Лею показалось, что даже в коморке его родителей дышалось свободнее. Правда, никогда раньше ему не доводилось бывать в богатых домах, и он не знал толком ни как ступить, ни куда сесть. А главное, не отпускало ощущение фальши, возникшее в первую же секунду, когда раздался голос Машиного отца.

- Николай Михайлович, - представила она, когда лысоватый человек с узкими, быстрыми глазами выскочил из дома.

То, что это её отец, Маша не добавила. И, хотя это и так было ясно, Лею показалось, она промолчала об этом по другой причине. Прижав дочь к себе, Николай Михайлович устремил на мальчика пронизывающий взгляд, от которого захотелось забраться на сосну следом за Нией. Если б только она была рядом!

- А ты кто?

- Я – Лей.

Добавить к этому было нечего. Не объяснять же человеку из другого мира, что он сбежал из темницы, обернувшись ужом, а, оказавшись здесь, совершил обратное превращение. Кто этому поверит? Явно не этот, с хитрыми глазками...

Решительно отстранившись от отца, Маша угрюмо спросила:

- Это правда?

Не став ломать комедию и выяснять, о чём это она, отец расплылся в улыбке, открывшей мелкие зубы:

- А ты поверила? Ну, что ты, малышка! Я сочинил эту байку для дураков, похитивших тебя. И, как видишь, они купились и отпустили тебя восвояси!

- Они не купились, - отрезала девочка. – Это Лей помог мне сбежать. Он меня спас, а не ты... папа.

Об участии в этом деле гадюки Маша тоже решила умолчать, и Лей не осудил её за это. От того, как стрельнул в него глазами Николай Михайлович, ему стало не по себе, и даже – на одно лишь мгновение! – Лей затосковал по сырому, тёмному подвалу, где был в большей безопасности.

Но в следующую секунду Машин отец уже протянул ему руку:

- Спасибо, парень! Я – твой должник. Смотрю, тебе досталось... Что на тебе за лохмотья?

- Ну, это...

Что сказать ещё, Лей не нашёл, ведь на нём была его обычная одежда. Правда, порядком поистрепанная за

месяцы, проведённые в подвале. Но ничего лучшего у него не было и в прежние времена. Нервно одёрнув рубашку, он попытался наспех найти объяснения. И брезгливо подумал: «Наверное, от меня воняет, а я даже не чувствую!»

К счастью, никто и не ждал от Лея ответа. Выпустив его руку, Николай Михайлович потянулся к дочери, но та отступила. Большие глаза метали молнии исподлобья.

- Дороже тебя у меня никого нет. Ты это знаешь, малышка!

- Что-то я не уверена в этом, - процедила Маша, скривив рот. - Очень уж правдоподобно звучит твоя легенда.

- Да ладно! - отозвался отец совсем, как она, но вынужденный лоб его покрылся испариной. - Ты же знаешь, что ты наша дочь. Какие могут быть сомнения?

- Большие!

- Тебе показать бирку из роддома?

У Маши дрогнуло лицо:

- А ты хранишь мою бирку?

- Представь себе. Она лежит в сейфе вместе с самыми важными документами. Потому что важнее тебя для меня нет ничего.

«Всё, поверила!» - только успел подумать Лей. И ещё не понял - жалеет об этом или радуется, а девочка уже обхватила отца за шею и неожиданно разрыдалась, уткнувшись ему в грудь. В мужских руках, прижавшихся к тонкой спине девочки, Лею почудился трепет. И он был неподдельным...

- Прости, пап! - всхлинула Маша.

- Это ты прости меня, малышка. За всё, что тебе довелось пережить сегодня. Я оказался не готов к такому.

Чтобы не смущать их, мальчик отвернулся, и тут заметил, что из-за портьеры на втором этаже за ними кто-то следит. Разглядеть лица он не успел, потому что человек тотчас отступил от окна. И Лей не мог бы даже с уверенностью сказать: кто это был - мужчина или

женщина? Но ощущение тревоги нахлынуло на него волной и сбило дыхание.

- Кто ещё здесь живёт, кроме вас? – спросил он шёпотом, когда все трое, наконец, вошли в дом, и Маша потащила его в свою комнату.

Она наморщила лоб:

- Живёт? Только мама. Но её сейчас нет, она за границей.

- Но кто-то может находиться в доме?

- Помощники по хозяйству, - отозвалась девочка с недоумением. – А что такое?

Лей перевёл на свой язык:

- Слуги, значит. Понятно.

- Что тебе понятно? – занервничала Маша. – Дом большой, кто-то же должен за ним следить!

Пожав плечами, он ответил вопросом:

- Зачем человеку дом, за которым он не в состоянии следить сам?

- В тебе говорит нищета! – отозвалась Маша с презрением. – Ты привык...

Но Лей не дал ей договорить. Признаться, он вообще пропустил её последние слова мимо ушей, поражённый собственной догадкой.

- Нет, это был не слуга!

- Ты о чём?

Маша распахнула дверь в свою комнату и кивком пригласила его войти. Наверное, она ждала каких-то дежурных слов о том, как здесь уютно и тому подобное, но Лей не замечал ничего вокруг. Хотя комната была радостной и полной света, исходившего даже от желтоватых стен. Здесь уже хотелось жить.

Однако мальчик был одержим одной мыслью:

- Зачем слуге прятаться? Он имеет право здесь находиться! А этот человек отступил от окна, когда я его заметил.

Его тревога передалась девочке, но, даже инервноичав, она ещё цеплялась за здравомыслие:

- И что такого? Может, это какой-нибудь папин парниёр. Знаешь, в бизнесе полно людей, которые не хотят, чтобы их видели.

- Почему? – удивился Лей.

- Ну, не знаю! Не хотят и всё. Один такой постоянно тут болтается... Капюшоном лицо прикрывает, чтобы его не видели. Можно подумать, кому-то интересно!

Упав на голубой диван, заваленный подушками и подушечками, Маша с наслаждением откинула голову и прошептала: «Наконец-то я дома...»

- Может, они разбогатели грабежом и скрываются? не унимался Лей.

Она зевнула с нарочитым равнодушием:

- Может. Мне-то что?

- Тебя не волнует, каким путём нажито состояние твоего отца?

- Нисколько.

Но по тому, как потемнел её взгляд, мальчик догадался, что Маше не так уж и безразлично прошлое отца. Ведь отчасти оно было и её собственным прошлым.

- Чем потом займётся? – попыталась она перенаправить его мысли. – Ты в Сетях зависаешь?

Лей посмотрел на неё с таким недоумением, что ответ и не требовался. Вздохнув, Маша пробормотала:

- Ну, понятно. У вас такого нет. А чем же тогда займётся? В стрелялки любишь играть?

- Стрелять? Из лука?

- Ага! – она хохотнула. – Конечно... Ой, чувствую нам с тобой непросто будет найти общий язык! А как вы с Писей время проводили?

Он пожал плечами:

- Разговаривали. С ней очень интересно разговаривать!

- Скучища какая, - на этот раз Маша зевнула неприятно. И вскочила с дивана. - Пойду приму душ. Тебе, кстати, тоже не помешает... Я дам тебе свои джинсы и майку. У меня найдётся что-нибудь в стиле «унисекс»... А то ты выглядишь, как настоящее чучело.

Возразить на это было нечего.

Глава 14

Тёмная спираль

Но помыться Лею так и не удалось. Стоило Маше скрыться в ванной, соседствующей с её спальней, и включить душ, как дверь в комнату резко распахнулась. Мальчик уже успел завалиться на мягкий диван, какого никогда в жизни не видел, как двое дюжих парней, не слишком похожих на помощников по хозяйству, подскочили к нему и схватили под руки. Не успел он даже пискнуть, как его уже выволокли из комнаты и потащили вниз по лестнице.

- В подвал, - услышал он резкий голос Николая Михайловича и попытался оглянуться.

И хотя тотчас получил оплеуху, всё же успел заметить рядом с Машиным отцом высокую фигуру в тёмном плаще или накидке – этого Лей не разглядел. «Дома – в плаще? – только удивился он. – Похоже, это тот тип, что следил за нами из окна... Кто, интересно, такой? Маша сказала: партнёр. Она сама-то верит в это? Кто же он на самом деле?»

Удовлетворить его интерес никто не спешил. Едва успевая переставлять ноги, Лей покорно следовал за своими новыми стражниками, на которых не держал зла, ведь те всего лишь выполняли приказ хозяина. Мыслью «за что?» мальчик тоже не задавался. Он всего лишь оказался неудобным свидетелем, другой вины за ним на этот раз не водилось.

Было очевидно: Машин отец что-то скрывает, и разыгранную им сцену с признанием дочери в преданной любви, нельзя принимать за чистую монету. Лей был нежеланным участником задуманного спектакля, и от него следовало избавиться как можно быстрее.

- Опять подвал, - удручённо вздохнул мальчик, когда перед ним раскрылся чёрный проём за тяжёлой дверью.

И вспомнил, как его учёный дядюшка, служивший писарем, как-то говорил, что история развивается по спирали. И все мы время от времени переживаем нечто похожее, только в ином времени и при других обстоятельствах.

- Посиди пока что, - ухмыльнулся один из слуг и подтолкнул мальчика в спину.

К счастью, не сильно, и Лей не скатился по высоким ступенькам кубарем, не то мог бы и шею свернуть. В этом подвале было довольно сухо и даже имелось крошечное вентиляционное окошко под потолком. Добраться до него не было никакой возможности, не говоря о том, чтобы выбраться через это отверстие наружу.

- Был бы я ужом! – воскликнул Лей с сожалением.

Осмотревшись, он заметил в углу небольшой столик и подбежал к нему. Сверху стояло нечто, прикрытое тёмной тряпичей, и мальчик, не колеблясь, сдёрнул её. И вскрикнул от неожиданности: в стеклянном кубе, похожем на аквариум, копошились, наступая друг на друга и отрываясь, мелкие мышки. Обычные полевые и белые крысы – все перемешались в один живой пищащий ком. И каждой не терпелось выбраться на свободу, чтоб убежать подальше от своих сородичей.

Лею это было понятно, частенько ему также хотелось вырваться из своей семьи. А сейчас, глядя на мышиную свару, он вдруг затосковал по родным, которые были куда дружнее этих грызунов. И захотелось увидеть сестрёнок-двойняшек, так любивших слушать истории,

прочитанные Леем. Почему он всегда гнал их прочь и сердился, когда девчонки лезли к нему? От кого им ещё было узнать хоть что-то хорошее? А Пок завидовал и злился, что сёстры так и льнут к Лею, а над ним посмеиваются. Можно не сомневаться, он уже тысячу раз позлорадствовал при них над тем, что их любимый Лей оказался просто маленьким крысёнышем, воруящим чужое...

Мальчик заставил мысли вернуться к мышам, которых никак не брал мир: «Зачем они тут? Чем могут угрожать мне? Да ничем! Я не особо и боюсь их. Загрызть меня они точно не смогут, а от страха я не помру».

- А может, выпустить их? – проговорил он вслух. – Им же невмоготу сидеть там всем вместе! За что их так мучают? Они такие же пленники, как и я. Если помогу им, кто знает... Вдруг потом и они помогут мне? Так ведь бывает в сказках.

И осторожно сдвинул дверцу-заслонку. Сначала никто из мышек даже не заметил открывшегося хода, но потом одна из них случайно вывалилась наружу, забравшись на спину сородичей. И запищала так громко, будто кричала:

- Свобода! Я свободна!

То, как рванулись следом остальные, было похоже на бегство с тонущего корабля. Правда, Лей никогда не видел этого своими глазами, но среди их соседей был один бывший моряк, который любил делиться с мальчишками воспоминаниями. Старый пьяница умер в прошлом году, и Лею очень не хватало его солёных рассказов. Моряк так входил в раж и кричал, размахивая костылём, в котором стал нуждаться со временем, что мальчик, как наяву видел и десятибалльные шторма, и пиратские нападения, и тропические острова, на которых водились диковинные животные. Как же ему хотелось пережить хоть одно подобное приключение! Ну вот... На его долю выпало испытание не легче.

прочитанные Леєм. Почему он всегда гнал их прочь и сердился, когда девчонки лезли к нему? От кого им ещё было узнать хоть что-то хорошее? А Пок завидовал и злился, что сёстры так и льнут к Лею, а над ним посмеиваются. Можно не сомневаться, он уже тысячу раз позлорадствовал при них над тем, что их любимый Лей оказался просто маленьким крысёнышем, ворующим чужое...

Мальчик заставил мысли вернуться к мышам, которых никак не брал мир: «Зачем они тут? Чем могут угрожать мне? Да ничем! Я не особо и боюсь их. Загрызть меня они точно не смогут, а от страха я не помру».

- А может, выпустить их? – проговорил он вслух. – Им же невмоготу сидеть там всем вместе! За что их так мучают? Они такие же пленники, как и я. Если помогу им, кто знает... Вдруг потом и они помогут мне? Так ведь бывает в сказках.

И осторожно сдвинул дверцу-заслонку. Сначала никто из мышек даже не заметил открывшегося хода, но потом одна из них случайно вывалилась наружу, забравшись на спину сородичей. И запищала так громко, будто кричала:

- Свобода! Я свободна!

То, как рванулись следом остальные, было похоже на бегство с тонущего корабля. Правда, Лей никогда не видел этого своими глазами, но среди их соседей был один бывший моряк, который любил делиться с мальчишками воспоминаниями. Старый пьяница умер в прошлом году, и Лею очень не хватало его солёных рассказов. Моряк так входил в раж и кричал, размахивая костылём, в котором стал нуждаться со временем, что мальчик, как наяву видел и десятибалльные шторма, и пиратские нападения, и тропические острова, на которых водились диковинные животные. Как же ему хотелось пережить хоть одно подобное приключение! Ну вот... На его долю выпало испытание не легче.

В этот момент в дверном замке повернулся ключ.

Глава 15

Карты раскрыты!

Включилась круглая лампа на потолке, от которой исходил мертвенный голубоватый свет, наполнивший душу недобрым предчувствием. Ещё не обернувшись к вошедшему, Лей уже знал, что сейчас увидит того чёрного человека. И не ошибся. Он вошёл следом за Машиным отцом, и быстро закрыл за собой дверь.

- Это гадюка, - предупредил Лей. - Не бойтесь змеиного яда?

Круглое лицо Николая Михайловича расплылось в хитрой ухмылке:

- Не беспокойся, сынок. У нас заготовлено противоядие.

- Противоядие? В вашем мире оно существует? - удивился Лей.

- В каком смысле? А, ну да... Ты же у нас - пришелец!

Их смешки скользнули в воздухе мерзкими летучими мышами.

- Вам и это известно? И вы заранее знали, что Ния придёт сюда? - догадался мальчик. - Зачем мы вам понадобились?

- Ты - чисто для страховки, малыш...

Лей огрызнулся:

- Я не малыш!

Пропустив его вопль мимо ушей, хозяин дома добавил:

- А вот твоя ядовитая подружка может оказать нам неоценимую услугу.

- Не дождётеесь, - прошипела Ния.

Вошедшие переглянулись, и таинственный человек кивнул:

- Я не преувеличивал, когда уверял, что эта милая дама способна общаться с людьми на нашем языке.

- Фантастика! – прошептал Николай Михайлович, шворочённо разглядывая Нию. – В это никто не поверит...

Капюшон нервно дёрнулся:

- А никому и не нужно знать об этом!

- Ну да, о чём речь... Это я так – к слову.

И он впился взглядом в лицо мальчика:

- Ты уяснил? О том, что здесь произойдёт, никому нельзя говорить ни слова.

Лей насторожился:

- А что здесь произойдёт?

Впрочем, ничего хорошего ждать и не приходилось.

На всякий случай, он уточнил:

- Маша, конечно, не знает, что я здесь?

- А зачем ей лишняя информация? Для моей дочери ты – лишь незначительный и малоприятный эпизод в жизни. Уверяю тебя, обычно она не общается с нищими, дурно пахнущими мальчишками!

Скользнув по плечу, Ния шепнула ему в ухо:

- Не верь ему! Ничем отвратительным от тебя не пахнет. Уж поверь моему обострённому обонянию! Ты ведь очистился от подвального смрада, превратившись в ужа. Змеи не бывают грязными. И ничем не пахнут.

Как это ни было глупо в момент, когда Лей мог расстаться с жизнью, но ему стало легче от этих слов.

Приободрившись, мальчик храбро спросил:

- Что вам нужно от нас?

- От тебя – ничего, - заверил Николай Михайлович.

Ты просто останешься в этом подвале в залог того, что твоя подружка не натворит глупостей. Она должна выполнить то, о чём мы попросим её, и тогда вы оба выйдете на свободу.

Ни о чём не спрашивая, Ния пристально смотрела ему прямо в глаза, и Николай Михайлович занервничал, отвернулся:

- Убери подальше эту гадюку! От неё меня прямо дрожь пробирает. Хотя нет... Я же должен объяснить ей.

Вздыхнув, он указал на своего спутника:

- Этот человек – колдун. В твоём мире бывают колдуны, малыш?

- А то как же! Куда от них денешься?

Машин отец кивнул:

- И то верно! Неважно, как я нашёл его, это уже другая история, но я плачу ему достаточно, чтобы он помогал мне и никому другому. Меня с детства преследовала идея проникновения в другие миры, откуда можно бесследно ускользнуть.

- Стащив что-нибудь? – насмешливо уточнил Лей.

- Да ты нахал! – изумлённо воскликнул Машин отец.

Мальчику самому было странно, что он совершенно не боится этих взрослых людей. Хотя ничего хорошего встреча с ними явно не сулила. И ладно бы ему одному! Но Лей опасался: вдруг его подружка-гадюка окажется в ещё большей опасности, чем он сам? И всё же не мог удержаться от желания дерзить тем, кто взял его в плен. Теперь мальчик точно знал: даже под страхом смерти он не стал бы унижаться перед палачом и молить о пощаде. Умирать надо, улыбаясь небу...

- Но, если честно, ты прав. Надеюсь, ты понимаешь, что я – незаурядный вор. И никогда – тьфу-тьфу-тьфу! – не сидел в тюрьме.

«А я сидел, - незаметно вздохнул Лей. – Чем я лучше его?»

- Однако кто откажется от возможности пожить чужим добром, не рискуя быть пойманным?

На этот раз никто не решился на комментарии, и Николай Михайлович продолжил:

- Мой друг колдун, чьё имя вам знать необязательно, обладает магическим даром предвидеть будущее. Именно он дал мне знать, что следом за грязным мальчишкой в мой дом придёт волшебная гадюка, которая питает к нему особую слабость. Нужно лишь заманить обоих в нужное место. А потом заставить её превратить меня в змею. Колдун уверен, что гадюке такое под силу. Уж не знаю, каким образом ей это удаётся... Но её задача - провести меня в ту реальность, которую я укажу. Если я не вернусь к назначенному сроку, колдун убьёт тебя, малыш. Поэтому я уверен, что гадюка всё исполнит с нечеловеческой точностью! Ваша дружба - наша страховка.

- Ты хоть раз видел дрессированную гадюку? - неожиданно заговорила Ния.

Мужчины переглянулись.

- На что ты намекаешь?

- Ядовитые змеи не привязываются к людям, - произнесла она равнодушно. - Они видят в них только угрозу. Вы стали бы беспокоиться о том, кто может вас убить? Вот именно! Мне абсолютно безразлично, что будет с этим мальчишкой.

Капюшон колдуна дёрнулся:

- Она блефует.

Ния потянулась к нему, заставив отступить:

- Давайте проверим! Я превращу твоего хозяина в змею и уведу с собой...

Нервно дёрнувшись, колдун отрезал:

- У меня нет хозяина!

- Неужели? Тогда тем более тебе не о чем волноваться. Он уйдёт со мной. И не вернётся. Потому что я не позволю ему что-либо взять из другого мира. Этого нельзя делать. А ты можешь поступать с мальчишкой так, как подскажет тебе твоя злобная фантазия.

Николай Михайлович бросил на него встревоженный взгляд:

- Она действительно блефует?
- Не сомневайтесь.
- И всё же я... Послушай, гадюка, его действительно убьют, если мы с тобой не вернёмся.
- Мне-то что? – равнодушно отозвалась она и незаметно для других погладила кончиком хвоста затылок Лея.

Это слегка успокоило, хотя секунду назад и он уже начал сомневаться в крепости их скоропалительной дружбы. Ния вытянулась в струнку:

- Итак? Вы любите русскую рулетку, господа?
- Вопроса не понял, кажется, только Лей.

Глава 16

Другая луна

Их тюремщики взяли время на раздумье. Лея развеселило то, что на этот раз ясновидение колдуна затуманилось, и он не смог с уверенностью сказать: вернётся его сообщник живым из путешествия с гадюкой или нет. Когда свет в подвале погас, и металлическая дверь закрылась, мальчик обратился к змее:

- Ты снова превратишь меня в ужа? Мы найдём лазейку?

Она откликнулась после некоторого раздумья:

- Не сейчас. Это слишком опасно.
- Что – опасно?! – удивился Лей. – Я ведь уже был ужом!

- Вот именно. Слишком мало времени прошло. Нужно подождать хотя бы до завтра. Конечно, я незаурядная гадюка, и яд у меня не обычный, который лишь убивает. Но и его переизбыток может отравить организм. Не хочу, чтобы ты погиб, вырвавшись на свободу.

Опустившись прямо на пол, мальчик обхватил колени и с горечью произнёс:

- А чем лучше заживо сгнить в тюрьме?

- Никто и не говорит, что мы будем сидеть тут целую вечность, - возмутилась гадюка.

- А что мы можем сделать? Мы же заперты!

Свернувшись у его ног, как домашняя кошка, Ния умирогворённо изрекла:

- Иногда стоит просто подождать. И всё само как-нибудь разрешится.

Лей усмехнулся:

- Я даже знаю - как! Нас обоих просто прикончат. Что им остаётся, раз их план не удался?

- Отдохни, - посоветовала она. - Усталость - плохой помощник в сражении.

- А нам предстоит сражение?!

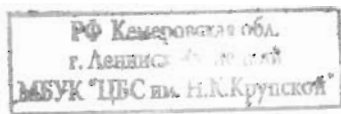
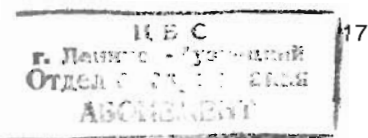
Парто Ния ничего не ответила, и он решил, что она уснула. Его тоже одолевала усталость, и мальчик вытянулся на полу, по которому ещё недавно бегали полчища мышей. Но Лей уже давно научился преодолевать отвращение. В конце концов, люди, змеи, мыши зачастую отличаются только размерами.

«Если я вздремну, хуже не будет, - рассудил он. - А сил набраться не помешает».

Уже потом выяснилось, что проспали они несколько часов. Очнулся Лей оттого, что змея прошипела ему в самое ухо:

- Тише! Не шевелись. Притворяйся спящим. Кто-то оставил ключ в замочную скважину.

Лей открыл глаза, дав ей понять, что проснулся, и снова зажмурился. Потом сообразил - вошедший сразу не разглядит в темноте его лица, а ему, возможно, удастся понять, кто именно явился к ним. Тревога мгновенно разогнала остатки сна, и Лей чувствовал себя отлично отдохнувшим и полным сил. Если б надо было с кем-нибудь подраться, за ним бы дело не стало! Но мальчик

был слишком мал ростом, чтобы вступать в бой со взрослым мужчиной, и понимал это.

Однако драться и не пришлось. В тускло освещённом дверном проёме возник силуэт, и Лей сразу вскочил, забыв об осторожности:

- Маша!

- Тише ты, - она быстро притворила за собой дверь и сбежала по ступенькам. – Ния здесь? Вы не пострадали? Идти можете?

Не в силах скрыть ликование, мальчик нанёс несколько ударов воздухом:

- Идти? Ещё как! Но лучше – бежать!

- Я же говорила, что иногда лучше подождать, - напомнила гадюка. – Я надеялась на тебя, Маша.

- Но больше ждать мы не будем!

Подхватив Нию, он хотел сунуть её за пазуху, но Маша остановила его, бросив какой-то узел:

- Переоденься, наконец! В своих лохмотьях ты будешь слишком приметным. Давай живее.

Пока он менял одежду, Маша бесстрашно взяла змею в руки и заглянула ей в глаза:

- Мы – друзья?

- Конечно, - шепнула Ния. – Ты только что доказала это. Надеюсь, и во мне ты не сомневаешься.

«О чём это они? – удивился мальчик. – Вечно у девочек какие-то выяснения отношений...»

- Я готов, - объявил он, натянув штаны, как у Маши, которые она назвала джинсами, и похожую на поддёвку футболку с длинными рукавами с надписью на непонятном языке. На ноги ему пришлось надеть странные белые ботинки без каблучков, называемые кроссовками.

Девочка быстро оглядела его с ног до головы:

- Отлично! Считаю - повезло, что у нас с тобой один размер.

В другое время Лей счёл бы это насмешкой над его ростом, но сейчас было не время для мелких обид. Прижав

Нию, девочка взбежала по лестнице и, осторожно приоткрыв дверь, выглянула наружу. Потом махнула рукой, и мальчик в три прыжка оказался рядом. Запирать подвал они не стали, чтобы не производить лишнего шума.

Приложив палец к губам, Маша жестом велела идти за ней, и повела его не к тому входу, через который они попали в дом, а к чёрному, ведущему в сад, задумчиво освещённый полумесяцем. Лею показалось, что в их мире луна выглядела более жёлтой и крупной. Может, он просто слишком соскучился по всему, что любил с рождения... Ведь своего неба Лей не видел уже несколько месяцев.

Не замедлив шага, девочка быстро скользнула между тёмными деревьями к высокой ограде. Лей уже готов был перелезть через неё, но Маша помотала головой и потащила его в укромный уголок сада, где давно обнаружила между решётками щель, достаточно широкую для того, чтобы через неё просочился ребёнок.

Выбравшись наружу первой, она подождала Лея и снова приказала молчать. «Значит, мы ещё в опасности», - догадался он. Ни о чём не спрашивая, мальчик бежал за Машей до тех пор, пока они не выбрались за пределы дачного посёлка. И на этот раз она пошла своим тайным путём, который наверняка использовала не раз, чтобы ненадолго ускользнуть из дома. Зачем – Лей решил не спрашивать. У неё была своя жизнь в своём мире. Он чувствовал, что ему тут не место.

- Вот теперь можно говорить, - с облегчением выдохнула Маша, когда они скрылись в незнакомом лесу.

И рассказала им, как догадалась обо всём случившемся, и каким образом сумела их освободить.

Глава 17

Машино расследование

Когда, выйдя из душа, девочка не обнаружила своего нового друга в комнате, сразу же заподозрила недоброе. Не мог Лей сбежать, не простившись! Девочки всегда замечают, когда мальчики смотрят на них особенным взглядом, и он глядел на Машу именно так. Если б он действительно решил скрыться, в чём потом пытался убедить её отец, то хотя бы нарисовал на листке цветочек на память. Ей очень отчётливо виделось, как Лей выводит карандашом лепестки, чуть склонив при этом голову набок, и прикусив нижнюю губу. Была у него такая привычка, Маша успела заметить это.

- Не понимаешь ты, малышка, что такое мужское самолюбие, - доказывал ей отец, когда Маша начала метаться по дому в поисках Лея. - Хоть мальчишка и откровенный бомжонок... Где ты вообще ухитрилась пересечься с таким?! Ну, неважно. Видно, остатки гордости у него ещё есть. Сама видишь: он попал в приличный дом и сразу понял, что он тут, как прыщ на ровном месте. И стать друзьями вы никак не можете.

- Это почему же? - не утерпела Маша.

- Да ведь вы из разных социальных слоёв!

Она отрезала:

- А я снобизмом не страдаю!

- И это правильно, - одобрил Николай Михайлович.

- Все мы не дворянского рода-племени. Но мальчик-то ощутил свою несостоятельность!

У девочки от гнева перехватило дыхание:

- Несостоятельность! Да он спас меня, между прочим. Кстати, ты собираешься искать тех уродов, которые меня похитили?

Отец не смог скрыть удивления:

- Я?! Их ищет полиция.

- Ты обратился в полицию?

- Ну, разумеется!

«Врёт, - решила Маша. – Он всю жизнь старался держаться от полиции подальше. Догадываюсь - почему... Неужели он и не собирался выручать меня?! А мама? Она хоть знает, что произошло? Или она, как ни в чём не бывало, валяется на пляже в Ницце?»

От обиды у девочки защипало в носу и задрожали губы. Чтобы отец не заметил этого, пришлось наклониться и поднять с пола едва различимую соринку. Правда, как раз это могло вызвать у него подозрения, ведь чистота в доме никогда не была Машиной заботой.

Между тем Николай Михайлович продолжал расхваливать Лея:

- Конечно, твой друг – храбрый парень. И неглупый, потому что быстро понял, насколько не вписывается в твою жизнь. И чтобы не страдать от ущемлённой гордости, решил покинуть наш дом. Очень по-мужски. Он – просто молодец, должен признать!

«Что-то уж слишком рьяно он заступает за Лея, - Маша опустила глаза, пытаясь не выдать своих подозрений. – С чего бы вдруг? Раз ему не по душе такая дружба, зачем расхваливать?»

Но Маша, сама того не зная, рассудила, совсем как Ния: лучше затаиться и выждать, чем пытаться идти на приступ, чтобы расшибить лоб. И притворилась, будто не особенно огорчена исчезновением Лея. Ну, нет – так нет! Вернувшись в свою комнату, она включила компьютер, и обложилась сладостями, рассчитывая с приятностью провести время в Сети. Убедившись, что дочь ведёт себя, как обычно, Николай Михайлович оставил её в покое.

Пытаясь рассуждать спокойно, Маша постаралась разобраться, что же из услышанного сегодня ложь, а что – правда. То, что взрослые тоже иногда врут, девочка знала давно. И не слишком-то возмущалась этим: ни у кого не получается всегда говорить одну правду, что поделаешь!

Как повторял её папа: «Не мы такие, жизнь такая». Понимай, как хочешь!

Но сейчас Маше просто необходимо было выяснить, на чём именно произрастала её собственная жизнь. Мыслями она снова и снова возвращалась к бирке из роддома, которую упомянул отец. Если та существует, значит, хотя бы мама – ей точно родная. Только родная мать может сохранить этот первый «документ» своего ребёнка, в этом Маша не сомневалась. Отец сказал, будто хранится бирка в сейфе, припомнила она. Наверное, не сомневался, что проверить дочери никак не удастся.

Николай Михайлович и не подозревал, что Маше давно известен код от сейфа. Ей было всего-то лет шесть, когда она играла на ковре в отцовском кабинете, а он, не придавая значения присутствию ребёнка, набирал код, весело напевая: «И когда же я родился, любимый? А вот когда...» Почему-то Машу до того поразили папины признания в любви к самому себе, что этот эпизод врезался ей в память. А однажды она также неожиданно поняла, какие цифры набирал отец, чтобы открыть сейф.

Выбравшись из комнаты будто бы на кухню за новой порцией сладостей, девочка заметила, как затворилась дверь, ведущая в подвал. Никто не имел права спускаться туда, кроме отца и его зловещего приятеля в чёрном. Даже имени его Маша не знала, и старалась держаться от него подальше. Обычно они уединялись там на полчаса, не меньше.

«Я успею!» - девочка пулей кинулась к кабинету отца. Как она и рассчитывала, комната оказалась пуста, лишь в углу вопросительно пискнула канарейка, с которой отец беседовал чаще, чем с дочерью. Не обращая на птичку внимания, Маша бросилась к сейфу, набрала знакомую дату рождения и потянула дверцу на себя.

Сейф не открылся. К такому Маша оказалась не готова. У неё беспомощно опустились руки. Но тут же она вспомнила, что на некоторых сайтах при регистрации

первым требуют набрать год рождения, потом месяц и лишь после – число. Может, и отец таким образом усложнил свой примитивный шифр? Стараясь не сбиться, Маша аккуратно повернула круглый диск. Выдохнула и потянула дверцу на себя.

- Есть!

Внутри сейфа зажглась подсветка, и Маша усмехнулась: «Со всеми удобствами!» Её ничуть не поразили и не заинтересовали перетянутые резинками пачки денег, а вот под ними лежала зелёная папка для бумаг. Осторожно вытянув, Маша раскрыла её и вдруг увидела свой рисунок. Она подарила его отцу на день рождения года три назад. Потом ей стало казаться, что такой подарок – слишком детский, и Маша стала копить деньги, чтобы преподнести ему что-то получше. А он, оказывается, хранил её неумелые картинки все эти годы...

Нахмурившись, чтобы не расплакаться, Маша быстро перерыла всю папку. Оранжевая бирка с петелькой из потемневшего кусочка бинта лежала на самом дне. У девочки дрогнуло сердце, когда она взяла в руки клеёнчатый ромбик, загнувшийся по краям. На нём значилась фамилия матери... Свой рост и вес при рождении Маша помнила и без документов, но теперь она твёрдо знала, что появилась на свет не во лжи.

У неё радостно заколотилось сердце. Значит, всё ещё можно вернуть! И они, все трое, снова могут стать лучшими друзьями, если она перестанет досажать родителям своими походами по вечеринкам, скучнее которых ничего и вообразить нельзя. А мама с папой перестанут сбегать от её капризов на край земли.

Убрав папку на место, Маша закрыла сейф и выскочила из кабинета. Как раз вовремя: внизу раздался щелчок двери – это закрылся подвал. Девочка на цыпочках бросилась в свою комнату и запрыгнула на кресло перед компьютером.

- Ты ещё не ослепла, малышка? – раздался через пару минут отцовский голос.

Маша улыбнулась ему:

- Сейчас лягу спать. Можно, только позвоню маме? Я по ней соскучилась.

Глава 18

Своё и чужое

- И всё-таки ты решилась украсть у него ключи от подвала и выпустить нас? – заключила Ния рассказ девочки.

- Я – его дочь. И останусь с ним, - твёрдо произнесла Маша. – Но это же не значит, что он всегда прав! Пусть только попробует ещё когда-нибудь запирать моих друзей!

Лей протяжно вздохнул:

- Я тоже соскучился по родителям. Вдруг они постарели за это время? А братья и сёстры выросли...

- В этом нет ничего невероятного, - иронично заметила Ния.

Он осторожно провёл пальцем по её тёплой коже:

- Ты же сможешь мне вернуться к ним, подружка-гадюка?

- Не сейчас. Я ведь объясняла тебе. Ты ещё не готов. И не только из-за моего яда...

В этот момент они сидели на берегу маленького лесного озера, куда привела их Маша. Когда хотелось побыть совсем одной, она убегала именно сюда, где трава была шелковистой, как в сказках или в доисторические времена, а вода манила длинными водорослями. Они шевелились и даже шептали кое-что, понятное только Маше. Наверняка здесь бывали и другие дачники, но девочка ни разу никого не встретила на берегу, точно озеро принадлежало ей одной.

Именно сюда привела она своих друзей, уверенная в том, что здесь их никто не тронет. Задумчиво глядя в светящуюся воду, Лей заверил:

- Я сам знаю, что во мне много плохого. Но я больше не выпущу это наружу! Разве есть на свете хоть один человек, душа которого абсолютно чиста? Тогда он стал бы ангелом... И разве нельзя любить человека, даже зная все его червоточины?

- Можно, - не медля, отозвалась Ния.

И Маша повторила эхом, подумав о своём отце:

- Можно.

Мальчик повернулся к ней:

- Ты сейчас вернёшься домой, и мы больше не увидимся?

Пожав плечами, она молча взглянула на змею, и Ния ответила за неё:

- Никогда не угадаешь заранее, как сложится жизнь. Мы ведь не ясновидящие! Кто знает, вдруг мы все ещё встретимся?

- Давайте колдуна спросим! – рассмеялся мальчик.

Пренебрежительно скривив рот, Маша махнула рукой:

- Ой, колдун нашёлся! Умел бы видеть будущее, так не сидели бы мы сейчас здесь.

В этот момент Лею и показалось, будто кто-то дохнул в затылок холодом. Быстро обернувшись, он растерянно оглядел безмолвные деревья, и усмехнулся, встретив вопросительный Машин взгляд.

- Почудилось что-то...

Но Ния забеспокоилась:

- Там? Ветер с другой стороны, я ничего не улавливаю.

- Да никого там нет, - Маша громко зевнула. – Ой, спать хочется! Вы утром ещё будете здесь? Мне нужно вернуться, а то отец заметит, что я опять куда-то делась.

- Надеюсь, нам не придётся бежать, - гадюка всё ещё с подозрением принюхивалась, вытянувшись в сторону леса.

Маша с сожалением цокнула языком:

- Плохо, что у тебя сотового нет! Но ты запиши мой номер, может, кто даст позвонить, если что.

Но Лей развёл руками:

- Мне нечем писать!

- А ты умеешь? – уточнила она с подозрением.

- Конечно! – возмутился мальчик. – И читать, и писать. Правда, я не хожу в школу, потому что это... Ну, не по карману моей семье. Но читать я люблю.

Неожиданно Маша звонко ударила в ладоши:

- А что, если тебе остаться здесь? В нашем мире? У нас в доме полно свободных комнат, я уговорю родителей выделить тебе одну. И мы с тобой вместе будем ездить в школу! Тебе ведь тоже двенадцать?

- Тринадцать, - опять смутившись своего маленького роста, признался Лей. – Но я ещё вырасту! Мой старший брат, знаешь, какой здоровенный!

Маша фыркнула:

- Это совершенно неважно! Разве дружба зависит от роста? Я же не замуж за тебя собираюсь...

У него так и запылали щёки:

- Конечно, нет!

Схватив за плечи, Маша возбуждённо тряхнула мальчика. Лицо её тоже покраснелось, точно они немедленно отправлялись в рискованное путешествие.

- Так ты согласен? Остаёшься?

- Нет, – не сразу выдавил он.

- Нет?! Как – нет? Тебя же ничего хорошего не ждёт там – в твоём мире. Ты даже учиться там не можешь. И кем ты станешь, когда вырастешь? А мой папа даст тебе хорошее образование.

Лей мягко отвёл её руки и улыбнулся:

- Образование – это здорово. Но там моя мама, понимаешь? И отец. И вся семья. Как я без них?

- Да им только легче станет без лишнего рта!

- Хватит! – не выдержала Ния и резко зашипела на девочку.

Непроизвольно шарахнувшись, Маша нервно рассмеялась и погрозила гадюке пальцем:

- Не пугай меня больше! Мы же друзья, зачем ты на меня шипишь?

- Если мы все - друзья, как ты смеешь говорить гадости о его семье? О его жизни?

Девочка обескуражено заморгала:

- Какие гадости? Лей, я тебя чем-то обидела?

Тон змеи стал мягче, но говорила она также уверенно:

- Это самая большая глупость на земле – считать своё самым лучшим. И презирать чужое. Свою землю, свой народ, своего Бога. Каждый из нас, если у него живое сердце, полное достоинства, любит это «своё». И никогда не согласится признать, что чужое - лучше. Так стоит ли ломать копыя, доказывая человеку обратное? Даже маленький ребёнок кинется на тебя с кулаками, если ты скажешь, что твоя мама лучше, чем его. Люди вырастают, но продолжают драться за свою любовь... За свою правоту. Не желая признавать того, что у каждого она своя. Земля уже трещит от ваших бессмысленных войн.

- Ния, - прошептал Лей, заворожено выслушав её, - а ты никогда не была человеком? Ведь ты же не змея, на самом деле? Правда?

Издав сдавленное восклицание, Маша подскочила к гадюке:

- Так и есть?! Ну, скажи! Ты так умно это всё говорила...

- Вот опять, - с горечью воскликнула Ния. – Каждый из вас сейчас уверен, что только человек способен

мыслить. А нам, существам другого порядка, вы отказываете в уме!

- Кто сказал? – запротестовал Лей. – Ты – самая умная из всех, кого я знаю!

Она чуть отвернулась:

- И в способности любить...

Тёмные глаза девочки заблестели любопытством:

- Любить? Ой, Ния! Ты в кого-то влюблена? Он тоже змей? Или кто?

- Кажется, ты собиралась домой? – холодно поинтересовалась гадюка.

- Не скажешь, - Маша вздохнула. – Ну, ладно. Отдохните пока. Я потом принесу вам поесть. Тебе чего, Ния? Молока?

Змея отозвалась самым светским тоном:

- Живую мышь, пожалуйста.

Продолжение следует

Василий Иванович Киселев родился в 1960 году в поселке Краснобродский. Стихи начал писать в 15 лет. Служил в Афганистане. Печатался в журналах «Огни Кузбасса», «Бег».

Руководитель литературной студии «Северное Сияние» посёлка Краснобродский.

Василий Киселёв **ШТГ Краснобродский**

Памяти Бельмасова Алексея Михайловича

Майской вьюгой берега замело,
Вещий ворон сел, расправил крыло
И хрипит – картавый чёрт! – номера
Телефонов, что умолкли давно...

Переклинит у Земли полюса,
Вспять текут – Амур, Иртыш, Енисей...
...Оживают в эту ночь голоса,
Глянь - костёр!.. А у костра - Алексей!..

Будто не было крестов да могил,
И поминок, утонувших в вине...
Горько плакать ты о нём не моги!..
В медный колокол не надо звенеть!..

...Оборвется моих снов тетива,
Баритонит у окна шепоток:
«Приезжай!.. Возьми своих – ФЕСТИВАЛЬ!
Прихвати с собою книжек пяток!..»

...Я намедни хотел Лёше звонить –
Первомай, мол, то, да сё... Как дела?..
... Но в мирах, где с жизнью порвана нить,
Не фурычат «Мегафон» и «Билайн»...

Я ловлю дыхание сонных мембран,
Я пою хвалу эфира Царю...
...Не сыскать вовек средь Стиксов и Пран -
Плач гитар и Лешин возглас: «Салют!...»

Я взываю – в такт грохочет мне гром! -
К высшим силам Властелина Добра:
«Пусть вернет мне перевозчик-Харон,
Всех друзей, что подло ночью забрал!...»

Ухмыльнется в лодке углой старик...
(Пот холодный в три ручья по спине!)
... Скрип уключин... Чаек горестный крик...
Тень Харонова растает во мгле...

...Заалело - глянь! - зари полотно,
Прохрипел в деревне первый петух...
За помин души я водки глотну,
Левым берегом Томи побреду...

В небесах утонет лунный паром,
Черный ворон – знак Судьбы! – сел на клён
И хрипит мне позабытый пароль
Той Весны,
где молод я и влюблён...

Снегири

...На холодной крови отгоревших закатов
Мне пригрезятся детства моего снегири.
Как пылали они средь метелей косматых
На заре!.. Я им кашу на ужин варил...

Стыли руки... Буран заносил мои санки,
И истошно ревел – хоть святых выноси!..
Снегирям приглянулась из банки овсянка,
Та, которую я в кулачке приносил...

Сэкономив на скудном своём рационе,
- Угощайтесь!.. – сквозь белые снеги кричал...
...Брат мой бредил морями... Говорил: «На Цейлоне -
Лето там всегда... Много яблок и чай!..»

Яблок я не едал - на картинке лишь видел,
И не яблоки были, друзья – снегири!..
...Как-то раз, прогуляв допоздна, с другом Витей -
Я простыл, заболел и глотал аспирин...

А в больничке на завтрак – всё та же овсянка!
(И сестрички дразнили меня: «Птицелов!..»)
...Снегири прилетали... Я кормил их, озябших,
Недоступных и сказочных – словно Цейлон!

...И сквозь Время текли мои белые реки.
Дед ругался: «Васяка! Ты куда дел кисет?..»
Я скормил снегирям две пригоршни орехов
И копченого сала чуть-чуть... На десерт!..

...Мать с отцом разошлись... Я – далёко уехал...
Там, где после я жил – нет диковинных птиц!
Никогда не услышать мне звонкого смеха,
Никогда не увидеть приветливых лиц.

И – седой уж! – гуляя в пурпурных закатах,
Я Судьбине кричу: «Ты, прошу, заведи
В то село, где средь белых сугробов покатых
Ждут меня сквозь года на заре снегири!..»

Чужая боль

Чужая боль невыносимей,
И нестерпимей, чем своя...
Но с чем сравнить мне боль России
О всех ушедших сыновьях?..

О тех, которые мечтали:
– Брат, заживём!.. Придём с войны...
...Они стоят на пьедесталах
Среди берёз и тишины.

Читаю – сквер весенний замер –
Друзей погибших имена...
И почему я здесь, не с вами?.. –
Осколком в сердце жжёт вина.

Как эта боль невыносима!..
Её ничем не заглушить...
– Прости мне, Коленька Касимов,
Что я остался жить...

Притяжение зимы

Волны залива Сиам
В полночь нашепчут мне –
Как хороша зима
Там, где меня нет!..

...Там, где меня нет –
Ночью не гаснет свет,
Снегом укрыта от бед
Память далёких лет...

Волны залива Сиам
Скажут: «Забудь поскорей!..» –
Музыка для россиян -
Сказки семи морей!

Сказ о бесстрашном Садко
И о Морском Царе...
...Сердце летит под откос:
Как розов снег на заре!

...Там стынет санный след,
Там – мне пятнадцать лет,
Снежных акаций цвет
Душу хранит от бед...

Каюсь, Царица Сиам –
Горек мне волн твоих дым...

...В сердце стучится зима –
Тоже румяна – как ты!..

Полина Орынянская родилась и живёт в подмосковной Балашихе. В 1992 году закончила журфак МГУ. Журналист, редактор. Работает в издательском доме «Бауэр Медиа», главный редактор журналов научно-популярной серии «Ступени», «Ступени. Тайны и загадки», «Детектив».

Лауреат Международного литературного конкурса "4-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2015".

Полина Орынянская
г. Балашиха

Три ложки сахара. Лимон

...А ты уходишь снова («Дверь закрой!»).
Надолго ли? (А Бог уже смеётся).
И я лечу себе на дно колодца,
сливаясь с этой чёрною дырой.
Хватаюсь за осклизлые бока
осенних дней, кружусь с листвою вместе,
мараю календарь – рисую крестик,
и он похож на хохот (буквой «ха»).

В окне берёза, ей под шестьдесят,
она шуршит о вечном по привычке.
А я ломаю каждый раз по спичке,
свечой встречая пасмурный закат.
Моя собака ждёт куда умней,
она не пьёт коньяк, не матерится –
да будь ты хоть в замшелой Чичен-Ице
среди бездомных траурных камней...

Но я тебя, озимый сладкий сон,
уже ращу под влажною подушкой,
и мятный чай в твоей огромной кружке
вкусней...
(Три ложки сахара. Лимон).

Хочешь узнать, что такое безумие?

Хочешь узнать, что такое безумие,
как от меня отрывается мир?
Ниточка дёрнется непредсказуемо –
и...

И, улетаю, цепляюсь за травы я,
криком кричу – не рождается звук.
Линию жизни о ветки корявые
рву.

Звёзды в глазах. Этих звёзд за глаза уже.
Сердце толкнулось, скатилось луной.
И темнота рассыпается радужной
мною.

Хочешь, скажу, чем ужасно безумие?
Нет, не размытостью полутонов,
не монотонным бессмысленным зуммером
снов.

Страшно не то, что оборвана ниточка
или внутри поднимается вой, –
то, что не можешь дотронуться ни-до-че-
го...

А на аллее нашей липы, липы...

А на аллее нашей липы, липы...
Сидят старушки в вязаных беретах,
Похожих на поношенные нимбы,
А мимо них ползёт на выход лето.

Оно ползёт печально вдоль скамеек,
Янтарных бликов слизывая пятна.
Оно серьёзно августом болеет,
И мой диагноз тот же, вероятно.

Я столько лет прощаюсь с этим летом,
Косых дождей выслушиваю всхлипы...
Однажды нимб мне выдадут за это
И место на скамеечке под липой.

Был скверный день

Был скверный день. Под куртку лезла стужа,
совала между рёбер пятерню.
Холодный ветер выл одну и ту же
мелодию. Деревья были ню –
дешёвые натурщицы в мансарде
художника, входящего в запой.
Куда ни глянь (чего, скажите, ради?),
брела толпа – и я брела с толпой.
Внутри меня ворочалось и ныло.
Хотелось крика – бешеного «А-а-а-а!»
такой животной, дикой, страшной силы...
Мигала лампа. Делались дела.
Весь день на вдохе – чтобы не сорваться,
прожить, дожить, не тронуться умом.
А как? А так! Элементарно, Ватсон...

Нажать shutdown, сбежать, прийти домой,
надеть халат, позвать соседку в гости,
достать коньяк в отсутствие чернил
и полный бак залить с тоски да злости...

Но вечером ты всё же позвонил.

Я стану маленькой придурочной старушкой

Я стану маленькой придурочной старушкой
С железными зубами и в очках,
С кудряшкой пергидрольной на макушке,
В нелепых допотопных башмачках.
Я буду спать ночами беспокойно,
Храпеть и чмокать жалобно во сне,
И буду постоянно недовольна,
Что внуки памперс не меняют мне.
Я буду путать справки и лекарства,
Глотать таблетки по сто раз подряд,
Повсюду видеть подлость и коварство,
Подслушивать, что люди говорят;
Блестеть на всех подслеповатым глазом
И крючковатым пальчиком махать...
За всё за это извините сразу.
Я эту бабку не желаю знать!

Январь. Татры

Отсюда, из спокойного нутра
январских праздников, из лени и безделья
мир кажется не тем, что был вчера.
Зудят ветра под окнами отеля,
читают утомительный верлибр
старухам-пихтам, ржавым и скрипучим.
Наутро тяжким бременем легли

за Татры зацепившиеся тучи.
Уютные дома и там, и тут
цветным драже рассыпаны по склонам
и щурятся на небо, будто ждут
обещанного им антициклона.
Ещё туман клубится и царит –
такой же древний, как подножья Меру,
но в этом ожидании зари –
и верность, и терпение, и вера.
И жизнь, как обязательный набор
известных смыслов, действий и итогов
мне чудится нелепой и убогой,
когда заря струится из-за гор...

Колея

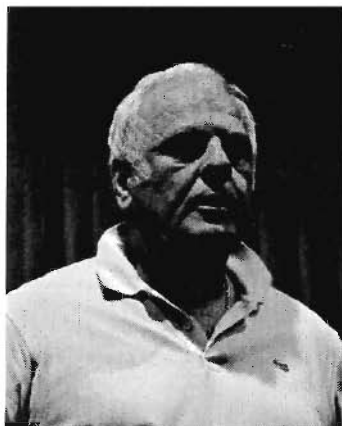
Моя Россия. Рыжая земля,
Раскисшая от стаявшего снега,
Идущая до края колея
Среди травы безжизненной и пегой.

Над вырубкой висит дремотный дым,
Горчит и дразнит смутным непокоем –
Ночными полустанками, тоскою
И привкусом колодезной воды.

И хочется махнуть рукой, ей-богу,
Знакомым окнам, улицам в пыли;
Идти, идти просёлочной дорогой
По скользкому суглинку колеи;

Смотреть, как тлеет солнечный окурок
В тумане припоздлившейся зари...

Вы памяти моей поводыри,
Весна и осень, свет и зябкий сумрак...

Цхварадзе Тариэл Владимирович. Родился в 1957г. В Грузии город Ткварчели. Поэт, член Союза писателей Грузии, автор трёх поэтических сборников. Публиковался в литературных альманахах «На холмах Грузии», «Эмигрантская лира», журнале «Байкал». Участник поэтических фестивалей «Киевские лавры», «Фестиваль поэзии на Байкале», лауреат всемирного фестиваля поэзии «Эмигрантская лира» в Брюсселе-Париже 2015г.

Тариэл Цхварадзе
Республика Грузия
г. Батуми

Асфальт кипит, жара, ни облачка,
пивка б сейчас с ростовской воблочкой.
За разливным толпится очередь,
как в храм по праздникам на проповедь.
Займу свою, с трудом, но выстою,
рвану в район с большой канистрою,
где кореша в беседке с тарою –
опохмелись, «хрущёвка» старая!

Вниз по тропинке вдоль ограды,
укрытой плющом и сиренью,
срывая грозди винограда,
шагает мальчик по ступеням.
Их будет сто, а может, двести,
потом, раздвинув листьев шторы,
застыв по волшебству на месте,
он будет слушать звуки моря.

Спокойно-медленные вздохи,
у волнореза страшный грохот...
А чайки прямо из ладони
клюют ржаного хлеба крохи.
В заплатках старую рубаху
сорвёт и бросится с разбега
в пучину волн, не зная страха,
с нависшего над морем берега
И поплывёт, куда дельфины
приходят стайкой рано утром,
у них резиновые спины
облиты сверху перламутром.
И наигравшись с ними вдоволь,
на берег выползет устало,
где протянул столетний тополь
полоску тени до причала...

Зал ожидания, вокзал,
экспресс, мелькание вагонов.
Я их глазами провожал,
смотрел почти, как на икону.
Куда-то мчатся без меня,
я остаюсь всё в том же зале,
себя и всех вокруг кляня
за прозябанье на вокзале.
- Рискни!- кричал себе не раз,
вскочи однажды на подножку,
пока не до конца угас,
скажи «прощай» - и в путь-дорожку.
Но не решился до сих пор
рвануть с экспрессом на восходе,
мне сверху выдан приговор
жить в привокзальном переходе.

Зима, суровая хозяйка,
пургой лютуя над горой,
к утру накрыла, негодяйка
всё долгим снегом и тоской.
И лишь проталины на тропках
к домам, затерянным в горах,
где острый разносол на полках
и чачи запах в погребках.
Дымком еловым дышат трубы,
тепло и в доме, и в груди,
жена целует ночью губы,
а значит — пополнения жди.
Во всём есть смысл, и в снеге тоже —
в селе, зажато меж вершин,
по осени к троим, похоже,
добавится ещё один...

И поехал состав, покатился
из тепла на большие снега,
в край, где каждый второй уже спился,
где закон — бурелом и тайга.
Там собак забивают на мясо
и варганят из шкур воротник,
а «Тройной» вместо водочки квася,
забываются только на миг.
Жизнь своя по вагонам плацкартным —
занавешен интим простынёй,
лох посажен проигрывать в карты
перстенечек с руки золотой.
Кто-то в тамбуре лезет на драку
лишь за водки лишний глоток,
и метелит уже бедолагу
пара кирзовых, жёстких сапог.
Мчится поезд, распахнуты двери,

волокут его выкинуть в ночь...
Перебор! Заигрались ведь, звери –
человеку бы надо помочь.
Помогли, оттащили, разняли,
успокоился пьяный вагон,
за окном огонёчки мелькали,
проводник продавал самогон...

Кто-то здесь посеял зло,
вот оно и проросло,
сквозь брусчатку площадей
под ногами у людей.
Заржавели и пусты
от души к душе мосты,
и уже отводит взгляд,
повстречавшись с братом, брат.
И предать тебя готов
каждый тут без лишних слов,
ведь в таинственном бюро
раздают вновь серебро.
Мне смотреть на образа
стыдно – выколю глаза
и зашью себе уста
до пришествия Христа...

Мозг воспален, виски на части
рвёт нескончаемая боль.
Она его разъест, к несчастью,
как разъедает тряпку моль.
А в результате – дверь в палату
с простой табличкой №6,
там койка у окна по блату
и даже телевизор есть.
Он заработает под вечер

без свеже-гадких новостей,
где комментатор, как диспетчер
и поводырь телелюдей.
Сплошной концерт и веселуха,
латино-сладкий сериал,
едой насыщенное брюхо –
спокойной жизни идеал.
Заманчива сия картина,
но что-то медлит санитар.
Мозг в ожиданье карантина
кипит, не выпуская пар...

Ни тропинок, ни дорог,
бесконечность поля,
перепёлка из-под ног -
вздогнешь поневоле.
От крыла лишь ветерок –
эка недотрога.
Не успел нажать курок –
ну и слава Богу.
Улетела на восток,
получив отсрочку...
Я же дал себе зарок
не стрелять - и точка.

Владимир Ткаченко родился в два часа ночи 10-го ноября 1972-го года в 1-м роддоме города Херсона.

Детство, юность и период раннего взросления провёл там же.

Окончил Крымский мединститут. По образованию врач анестезиолог-реаниматолог.

В 1995-м году с другом Максимом собрал группу «Ундервуд».

С 2000-го года место обитания — Москва. Женат. Дочь Софья.

Владимир Ткаченко
г. Москва

Солонка и перечница

Солёный человек голубоглаз
(Им всем, голубоглазым, не до нас)
Не потому, что жизнь его не сахар,
А потому, что в слёзном озерце,
Как в Мёртвом море, на его лице
Не утонуть взаправду, и в конце
Концов — всего лишь мокрая рубаха.
Морщина шла от озера к щеке,
И уводил мужчина налегке
Под локоток перчёную подругу.
Внутри у дамы молотый коктейль
(Была, конечно, сладкой их постель).
Для соли с перцем это ли не цель —
Кружиться над кастрюлями по кругу?
Я видел эту парочку вблизи —
Распахнуты ресницы-жалюзи
(Она недавно сделала УЗИ —

Ждут девочку особенного свойства).
Они вдвоём, как украинский флаг,
Не по расчёту, но по вкусу брак,
И пёстрой пары губ архипелаг
Всех поваров приводит в беспокойство.

Прилетел в незнакомый город,
Сел в такси и закрыл глаза.
У шофёра широкий ворот
И грузинская железа.
Слепота для меня — победа
Над желанием удивить.
Не по следу бегу — от следа,
Чтобы только тебя забыть.
Чтобы пахнул цветок мигрени
Голубым от тоски свинцом,
Как кладбищенские сирени
Над неведомым мертвецом.
Мчал возникший малолитражный
В громы, молнии и дожди —
Два коротких, один протяжный,
Справа, слева и впереди.
И колёса, как четвертные,
И дорога, как нотный стан,
И мелодии всё сплошные,
Всё двойной и сплошной обман.
Много надо ли, чтобы скоро
Постараться тебя забыть?
Прилететь в незнакомый город,
Сесть в такси и глаза закрыть.

Максиму Кучеренко

Смотри, мой друг, какая благодать:
Дрожит гортань, как кошка в полнолуние,
Из сундучков заветных беглый тать
Крадёт глаголы. Нечем жечь. Июня
Одышка. Тополиных связок клей,
И дождь в кармане окисляет мелочь.
И мы пешком с вокзала в мавзолей
Снять номерок. Портье белее мела.
Да и вообще... В гостиничном лесу
Накрыть поляну, кликнуть красных шапок,
Сварить компот из лягушачьих лапок
И так уснуть, не трогая джинсу.
Халдеи в номера приносят ртуть.
Пьёшь два глотка — и вид из окон ярок.
А тем, кто смог здесь вовремя уснуть, —
И свежий нимб. И молния в подарок.

Переулоч Хользунова

Из роддома с любовью, на двух ногах,
Широко известный в худых кругах,
Я иду, и в первых моих шагах
Начинаю жить с первобытной силой.
От давно девичьих уже полей
Вдоль картошек, фруктов и тополей
Я иду, и походка моя смелей
Монотонных шагов кадила.

Через сквер, с пломбирной зимой во рту,
Раздвигая профилем пустоту,
Я иду домой, представляя ту,
Что родится на стыке весны и лета.

У меня улыбки во всех местах,
И с небес на землю спустился Бах.
Мир держался долго на трёх болтах.
Я, вообще, благодарен ему за это.

Так я шёл срединной тропой земли,
Пересёк экватор, копил рубли,
Свил гнездо почти у метро Фили.
Мой карман был всегда оттопырен рифмой.
Я не знаю, есть ли у жизни цель.
Видишь, дочка, папа твой менестрель.
Если он и шёл когда на панель,
То лишь только с гитарным грифом.

И в конце переулка печальный дом.
Дом, где все подбирают слова с трудом.
Всё, что нам остаётся, — дружить со льдом.
Хладнокровная человечность...
Не собака зарыта в конце пути,
Ибо, как извилиной ни крути,
То, что раньше двигалось во плоти,
Переходит в опцию «бесконечность».

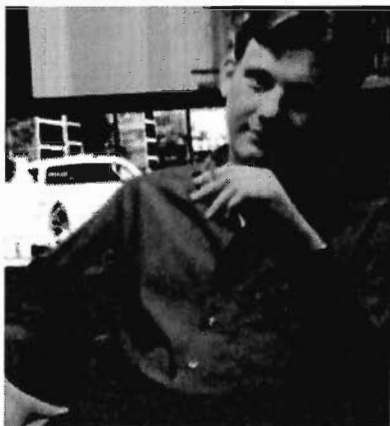
Сigaretка тлеет, как Жанна д'Арк,
После смерти мы все попадаем в парк.
На вопросы «как» лишь воронье «карк»,
Его слышу я да небес стропила.
Я иду, весне подставляя лоб.
Жизнь такая, что, сколько ни делай проб,
Всё одно - прыжок из вагины в гроб,
Как Ф. Г. Раневская говорила.

Полгода

Вот тебе и полгода, беззубое чудо природы.
И ноябрь истязает планету под скрип тополей.
А когда-то весною едва отошедшие воды
Расступившимся морем открылись заботе моей.
Вот тебе и полгода, мой маленький розовый идол.
Время тянет резину. Его, как игрушку, грызи.
Над коляской висят почерневшие Семирамиды
Всех скелетов берёзовых, спящих в филёвской грязи.
Спи, мой ангел, не плачь. В парке спится в любую погоду.
Видит белка орех, но в коляске не видит тебя.
Вы, конечно, подружитесь с ней, не пройдёт и полгода, —
Говорю я себе, рукавицу в руках теребя.
Про похожих две капли воды я не верю, не верю.
Я седая угрюмая капля размером с бассейн.
Ты росинка, ты тёплая бусинка майских феерий.
Ты жемчужина жизни во всей наготе и красе.
Спи, мой ангел, не плачь,
из-за павшей листвы не печалься, —
Говорю в сотый раз, проходя мимо вечных дубов.
Вот тебе и полгода. И осень кончается вальсом.
И зима начинается маршем молочных зубов.

Маракана

Хорошо, если кокой засеять поле,
Чтоб весной взошёл молодой Гарринча
И кривою ножкою-невидимкой
Показал бы всем, где зимуют крабы!
И ходил Пеле по земной юдоли
И, склоняя время до слова «нынче»,
Всё старел с кофейным зерном в обнимку,
То торгуясь с туркою, то с арабом.
Хорошо, когда мяч от природы круглый!
Эта божья радость не всем доступна...
А в раздольном поле без буераков,
Ох, народ, искусен же твой сыночек!
Просто знание тела покруче Гугла,
Да и мышцы, если взять совокупно,
Все на тонком нерве. Иди, гуляка!
Закрути по ветру сухой листочек.
Хорошо, что трибуны полны торсидой —
И друзья по детству, и просто люди,
И, рукою лёгкой сорвав бикини,
Не одна рассупонилась bundagrande.
И, пока плывут от богов флюиды
(Ибо лишь они понимают в чуде),
Об Отчизне мысли да о чужбине:
Не они волшебники. Мы мутанты.

Борис Пейгин родился в 1988 г. в г. Северске Томской области. Литературой начал заниматься в старшей школе. Печатался с 2004 г., первая публикация - в детской литературной газете "Штудия" (г. Томск). В 2009 г. вышел сборник рассказов "Чужие одиночества". Финалист конкурса "Король томской поэзии", входил в шорт-лист премии "Дебют" (2010 г.) за рассказ "Жизнь Сергея Ипсиланти". Член Союза писателей России с 2015г..

Борис Пейгин
г. Томск

Сильнее мира всего *(отрывок)*

...Шпиль колокольни Фельзенкирхе, небольшой церкви на вершине источенной морем скалы, отчетливо виднелся сквозь пелену густого утреннего тумана, окутавшего бухту и городок у её берегов. Первые лучи солнца показались из-за песчаных дюн на востоке, и ночной бриз прекратился; налитанный прохладой и влагой воздух висел неподвижно, что было здесь большой редкостью. Людериц ещё спал, и звуки природы не заглушались звуками города, как будто последнего и вовсе не было. Волны разбивались о берег, на островах бухты кричали пингвины, фламинго и какие-то ещё птицы, и меж их криков слышались резкие, трескучие возгласы морских котиков.

Человек, именуемый Клаус, стоял на каменистом берегу, у самой полосы прибоя, и пена с гребней накатывавших волн выплескивалась к его ногам. В одной руке он держал початую бутылку вина, между зубами – зажженную сигарету, и серые крошки пепла оседали в

седой бороде. Он не смотрел ни вдаль, потому как в ней ничего нельзя было разглядеть, ни под ноги, потому как там не было ничего интересного. Похожий на нахохлившегося буревестника, он стоял, плотно закутавшись в плащ, стоял почти неподвижно, как будто в трепетном ожидании чего-то, стоял долго; потом выплюнул окурок, отхлебнул из бутылки, и покачивающейся, нетвердой походкой побрел по направлению к набережной.

На Диасштрассе, что шла вдоль берега, не было асфальта, как его не было на большинстве городских улиц, но в нем не было и нужды, потому что там, где никогда не бывает дождей, не бывает и грязи. Разве что шаги по плотно укатанному грунту выходили не такими звонкими, но Клауса это едва ли смущало. Вдоль развалин старого порта, оставив за спиной Алмазный холм, он медленно шел в сторону центра города. Быстрее, чем всходило Солнце, рассеивался туман, оставляя после себя обильную росу да легкую дымку в сизых рассветных сумерках, и город малопомалу открывал свои очертания.

Зажатый в глубине бухты, между холодным океаном и голой пустыней, на диком, безжизненном, безлюдном берегу, Людериц совсем не был похож ни на остальную Намибию, ни вообще на Африку. Архитектура центра городка осталась от колониальных времен, и больше напоминала Германию, словно следуя за ветреным, сухим и всегда прохладным климатом места. Это был осколок старой Пруссии на противоположном конце Земли — выстроенные стена к стене дома и особнячки с башенками, фронтонами и эркерами на первых этажах вдоль десятка улиц, на которых, казалось, застыло время. Сотворенный в одночасье алмазной лихорадкой, город был так же моментально оставлен ей, превратившись в местный центр рыболовства, а порт, некогда крупнейший на юго-западе континента, теперь обслуживал разве что близлежащие цинковые рудники. Людериц не был похож ни на Виндхук,

скуchnоватый и сонный, ни на Свакопмунд, всегда заполненный отдыхающими; не будучи Африкой на лицо, он весь был ею по духу, и африканская неспешность в словах, в делах и вообще в течении жизни нигде не проявлялась так сильно. Даже заметная белая община, немецкая и африканерская, ничего не меняла в этом, потому что в ней почти совсем не было экспатов.

Этот-то город, не подходящий для дауншифтинга, но подходящий для изгнания, человек, именуемый Клаус, выбрал для себя, выбрал именно потому, что был изгнанником. Это было забытое Богом место, где ничто не напоминало о прежней жизни, место на краю мира, самой природой отделенное от него. Железная дорога не функционировала, и там, где рельсы ещё не демонтировали, пустынные ветры с каждым годом все сильнее заносили их песком; аэропорт принимал только местные рейсы; автобусы ходили редко. Туристы если и заезжали сюда, то лишь для того, чтобы поглазеть на развалины Колманскопа; проведя в Людерице ночь, и совершив затем экскурсию в пустыню, они также исчезали из города, и никогда не приезжали вновь. Таким образом, здесь не оказывалось людей случайных; фраза о том, что все знают друг друга в лицо, для Людерица совершенно не была преувеличением, и человека, именуемого Клаус, это устраивало.

Он не был немцем, и не был, строго говоря, Клаусом, этим именем его назвал старый подслеповатый африканер, его арендодатель, и постепенно он к этому имени привык. За последние семь лет он вообще много к чему привык: к тому, что лето бывает в январе, а зима – в июле, к тому, что дождь бывает пару раз в год, к тому, что можно много ходить пешком, к тому, что можно ложиться и вставать в любое время, и вообще спать в свое удовольствие, к тому, что можно пить больше, чем это требуется, и не перед кем не держать за это ответа, наконец, к тому, что можно жить, ничем активно не

занимаясь. Нельзя сказать, что у него совсем не было занятий, но среди них не было ни одного, достойного его прежнего: он пытался играть на бирже, оказывал кое-какие услуги депутату местного парламента по фамилии ван Мерве в бизнесе его семьи, а ещё публиковал в разных интернет-изданиях разоблачительные статьи о компании, в которой когда-то работал, и о её собственниках, но все это отнимало у него немного времени, и он коротал дни, понемногу готовя себя к старости.

...город был маленьким, центр города был ещё меньше, и человек, именуемый Клаус, даже следуя пьяным шагом, менее чем за десять минут достиг своего жилища. Он снимал небольшой одноэтажный дом на Бергштрассе, широкой дугой тянувшейся от моря, к востоку от Алмазного холма, и закрытой им от сильных ветров. Штукатурка на выкрашенном в голубой цвет фасаде, во многих местах облупилась, стекло на одном из окон было пересечено длинной, извилистой трещиной, и только личинки многочисленных врезных замков на входной двери блестели, как новые: хотя Намибия и считалась по африканским меркам спокойной страной, для белого человека разумнее было не экономить на своей безопасности.

Внутри было холодно, ещё холоднее, чем на улице, но гораздо суше – кирпичные стены хорошо спасали от всегдашней утренней сырости. Не включая света, человек, именуемый Клаус, разулся, снял плащ, зашел в комнату, и в этот момент каким-то шестым чувством ощутил, что находится в ней не один – ощутил прежде, чем заметил два серых силуэта на фоне окна. Помимо памятного ещё со школы немецкого, он владел английским, а за последние шесть лет выучился сносно изъясняться на африкаанс, но то же шестое чувство подсказало ему, на каком языке следует обратиться к непрошеным гостям, как подсказало и то, зачем они явились.

- Господа, мне кажется, я достаточно далеко от вас уехал. Так что потрудитесь объяснить, зачем вы здесь, или я вызову полицию, - он в этот момент ещё совершенно не ощущал страха, и это наполняло его голос металлическими нотками.

- Мы к Вам по делу, - ответил ему один из силуэтов, как и ожидалось, по-русски; этот голос Вельтману был незнаком, или же слишком хорошо забылся за долгое время.

- Коля, вруби свет, у тебя тут и так холодно, так и темно ещё, - вмешался в разговор второй силуэт, и вот его голос Николай Маркович узнал сразу: это был Сашок.

Вельтман щелкнул выключателем; комната начала медленно наполняться холодным голубым светом.

- Бухаешь, да? – Сашок покосился на батарею пустых бутылок, аккуратно выстроенных вдоль стены, и криво ухмыльнулся. Внешне он сильно повзрослел, и, не узнай его Вельтман по голосу, не узнал бы и на лицо; одет он был как всегда дорого, но не вызывающе, даже скромно, всегдашней биты при нем тоже не было.

- Ну, а твое-то какое дело? Ты мне лучше скажи, куда биты дел, в аэропорту, что ли, отобрали? – осклабился Николай Маркович, задетый вопросом.

Сашок, впрочем, был ему неинтересен – гораздо больше его внимание занимала личность спутника. Это был высокий, наголо бритый человек с размазанной по щекам трехдневной щетиной; одет он был в добротное кремовое полупальто, вокруг шеи был небрежно повязан такого же цвета шарф. Но взгляд – с прищуром, едкий, внимательный – вовсе не давал обмануться хипстерским образом, и выдавал в незнакомце человека Мельникова. Что ж, это, по крайней мере, было объяснимо.

- Николай Маркович, сделайте нам чаю, заодно протрезвеете. Тогда и поговорим. От этого будет зависеть Ваша дальнейшая судьба, - видимо, почувствовав взгляд Вельтмана на своей спине, незнакомец повернулся к нему.

За последние десять минут произошло много странного, чтобы можно было продолжать удивляться, и Вельтман не удивлялся; на эту пренахальную просьбу, подтвержденную кивком Сашка, он лишь вздохнул и поплелся на кухню. Уже стоя там и переливая воду из бутылки в чайник (водопроводная вода не только стоила здесь космических денег, но и для питья была непригодна), он перебирал в памяти события прошедших семи лет: первая прожитая им жизнь была слишком долгой, чтобы всю её вспоминать, но на вторую, пожалуй, стоило ещё разок взглянуть напоследок.

Вельтман, в сущности, не скрывался; не заявляя о себе и не афишируя своей личности, он также и не делал из нее тайны. Он не сразу оказался в Намибии: сначала он уехал в Израиль, где получил гражданство, и только через год перебрался в Африку, так как на Святой Земле не чувствовал себя достаточно спокойно. В Людерице же он жил уединенно, кроме пивной, супермаркета, парикмахерской и почты, никуда не ходил, из города выезжал редко, из страны – ещё реже, считанные разы за всё время, и в основном в ЮАР.

Но и в Африке ему трижды пришлось контактировать с людьми компании, причем ни разу Николай Маркович не был инициатором этих встреч. Сначала, ещё в 2010-м году, его разыскал старик Водолеев, видимо, использовав свои связи в посольстве. Будучи по каким-то делам в стране, он приехал в Людериц и заявился к Вельтману в гости. За кружкой пива отставной дипломат жаловался на самовластие и жадность первого лица, брюзжал в адрес Камаева, и, особенно, Фокина, и при этом советовал Николаю Марковичу прекратить заниматься журналистикой, так как президент эти статьи внимательно читает, и не стоит лишний раз его злить. Вельтман обещал подумать над советом, и на том они расстались.

Две других встречи произошли уже в ЮАР. Год спустя после визита Водолеева, Вельтман ездил в Кейптаун

по поручению брата ванМерве к одному из его партнеров, и в доме последнего обнаружил Быкову, которая, как выяснилось, жила вместе с сыном неподалеку. Психическое расстройство, видимо, не вполне её оставило (что можно было понять по одному выбору места жительства), и никакого конструктивного разговора не вышло. Другая встреча, куда более важная, имела место в Дурбане в конце марта 2013-го года, где в то время проходил V саммит БРИКС. Вельтман сумел раздобыть журналистскую аккредитацию, и присутствовал официально как корреспондент *DieAllgemeineZeitung*, истинной же целью поездки были неформальные (и негласные) переговоры с ещё одними контрагентами ванМерве-младшего (на этот раз бразильцами). Больше всего Николай Маркович боялся повстречать в составе российской бизнес-делегации Фокина или президента, но ни тот, ни другой в Дурбан не приехали. Вместо них приехал Камаев, и Вельтмана он нашел сам. Разговор между ними состоялся короткий и недружелюбный; финансовый директор недвусмысленно намекнул на неудовольствие президента, и пригрозил печальными последствиями, если Николай Маркович не раскается в содеянном и писать свои статьи не прекратит. В отличие от почтенного Водолеева и болезной Быковой, с этим Вельтман церемониться не стал, и просто послал по неприличному адресу вместе с угрозами, и наказал передать то же самое президенту. Писать он, однако же, и вправду прекратил, главным образом потому, что все материалы, какие можно было опубликовать, у него кончились, но теперь это было уже неважно, как неважно было и то, почему они так долго ждали, и то, почему не побоялись отрядить Сашка на мокрое дело, и то, почему послали его на кухню, а не прикончили сразу. Последнее было даже неплохо – будет шанс сострить напоследок.

Глядя на закипающую в чайнике воду, Вельтман думал о том, что никогда не был трусом, но умирать (а в

целях своих визитеров он не сомневался) ему все-таки страшно. Он боялся не боли – вряд ли его станут мучить – это был иррациональный, животный страх. И очень обидно было, что Кавелина ничего не узнает, если только идея послать этих господ сюда не принадлежала ей. Придя в голову, эта мысль испугала Николая Марковича сильнее, чем его предполагаемая участь, но здравый смысл говорил, что эта мысль вовсе не безумна. Софья Александровна – рационалист до мозга костей, и она всегда верно служила компании. Если Вельтман представлял для компании проблему, то нет Вельтмана – нет и проблем. В прежние времена она, конечно, не была сторонницей подобных крайних методов, но кто знает, что в ней могло измениться за семь лет!

А он... А он по-прежнему её любил. Алкоголь многое заглушил в его голове, но только не её образ; никогда, ни у кого за все это время он не расспрашивал о ней, и не говорил, и все же перестать думать о ней не мог. Жаль, если это и вправду её идея, но, неважно, неважно, важно, что он следом за ней влез в эту историю, и так и не пожалел об этом. Если ему суждено умереть, что ж, он умрет с её именем на устах.

И не понесет он им никакого чая. Нашли официанта.

Этот пафос окончательно его протрезвил. Он залил кипятком заварник, вытащил из шкафа две больших кружки, и, оставив всё это на кухонном столе, с пустыми руками отправился в комнату.

Гости сидели на диване молча; увидев Вельтмана, Сашок повернулся к нему первым:

- Коля, а чай-то где?

- Чай в заварнике, кипяток и чашки рядом, на кухне.

Давайте, делайте то, зачем пришли, почаёвничаете сами.

Лысый лишь пожал плечами, и, не вставая с дивана, принялся расстегивать пальто. Вельтман зажмурился, понимая, что никакого «Соня!» произнести не сможет. Инстинктивно он попятился назад, на третьем шагу

наткнулся на холодную стену, и это было спасением, потому что хуже всего было бы побежать.

Первый раз в его жизни голова была абсолютно пуста, и никаких мыслей в ней не было; где-то в глубине сознания сами собой считались бесконечно долгие секунды – одна, две, три, четыре...

На восемнадцатой секунде Вельтман открыл глаза. Все в комнате было по-прежнему: крашенные стены, дощатый пол, минимум мебели, газеты на журнальном столе, множество бутылок под ним. Все так же сидел на диване Сашок, и рядом с ним – лысый. В руке у него был смартфон, и никакого внимания на Николая Марковича он не обращал. Зато на него обратил внимание Сашок – два-три мгновения глядел молча, а потом зашелся приступом страшного, гомерического хохота:

- Ха-ха-ха! Не, ты прикинь, Димон, он думает, мы его грохнуть хотим! Не, ха-ха-ха, ну в натуре! Не, я не могу! Ты смотри! Ха-ха-ха!

Лысый, оказавшийся Димоном, лишь покосился в сторону ничего не понимающего Вельтмана, и, криво, официально ухмыльнувшись, произнес:

- Николай Маркович, если бы мы хотели Вас убить, уже убили бы гораздо раньше, - и снова уставился в телефон.

Только теперь Вельтман понял, что давешние слова «Мы к вам по делу» не были пустой болтовней. Он не мог бы сказать, какие чувства в тот момент испытывал, потому что не испытывал никаких – он просто стоял в оцепенении, навалившись на стену, и смотрел в пол до тех пор, пока Сашок его не окликнул:

- Коля, не, ну ты что, в натуре? Ты вон на себя глянь!

Вельтман, все ещё туго соображавший, повернулся к стене справа от него, где висело небольшое зеркало, и сделал несколько шагов по направлению к нему. Себя он

не узнал: там находился кто-то осунувшийся, отекший, с мертвенно бледным лицом, всклокоченными волосами и седой бородой, к тому же незнакомца из отражения сильно трясло.

- Садитесь, Николай Маркович, нужно поговорить, - донесся из-за спины голос Димона.

И Вельтман сел прямо на холодный пол. Глаза его закрывались сами собой, волосы прилипли к взмокшему лбу, горло от внезапного приступа жажды ссохлось и сжалось так, что даже говорить он не мог и поэтому только кивнул.

- ... Эээ, Дим, - голос Сашка доносился откуда-то из небытия, - да он, по ходу, вырубился.

- Да, похоже.

- Слушай, да ну его на х..., пусть проспится, а то... - дальнейшее Вельтман уже не слышал. Вернувшееся опьянение и пережитый ужас быстро погрузили его в глубокий, нездоровый сон.

Солнце, блестящее, как надраенный пятак, медленно катилось по безоблачному небу; светило, но почти не грело – и в этом намибийская зима не сильно отличалась от российской. Николай Маркович и сам удивлялся тому, как ни разу не обратил на это внимания, но все чувства в его похмельной голове обострились, и иначе быть просто не могло.

Они сидели за одним из уличных столиков возле кафе на Банхофштрассе, и ожидали каждый своего заказа: Сашок и его спутник попросили себе пива и жареных колбасок, Вельтман же намеревался к ним присоединиться, но, подумав, ограничился чашкой эспрессо – с алкоголем пока стоило повременить. Сидели они молча, за другими столами никого не было, машины проезжали редко, и ветер не доносил шума прибоя, а потому тишина получалась особенно тяжелой и гнетущей, словно требовавшей усилий, чтобы себя прервать. Субординация требовала,

чтобы разговор начал Сашок, но он долго собирался с мыслями и успел утомить Вельтмана ожиданием, прежде чем, наконец, изрек:

- Коля, мы на тебя зла не держим, - говорил он неестественно-серьезно, и в голосе угадывались отцовские интонации, - и ты на нас не держи. Забудь про Камаева, его уже наказали.

- Да плевал я на Камаева. Вам-то я зачем?

- Напрасно ты так. Мы тебя ценим. Здесь есть, куда вложиться, нам нужен выход и на рынки, и на ресурсы. Камни – вещь такая... Интересная. А у тебя здесь хорошие связи, даже в политике...

Последняя реплика Вельтмана не порадовала. Если речь пошла про камни, значит, Фокин со своими идеями чеболлизации по-прежнему правит бал, и президент его слушает. Отсюда следовал вывод – ничего в этом мире не меняется. Идея, очерченная Сашком, была дурацкой по своей сути, но откровенно хамить Николай Маркович не хотел, и потому попытался изъясниться иносказательно, надеясь, что Сашок поймет.

- Саша, на чужой каравай рта не разевай.

Но Сашок не понял. По холеному лицу пробежала тень.

- Это ты о чем?

- Если твой папаня хочет, чтобы я помог ему развязать войну с «Де Бирсом», то это последнее, что я буду делать.

- Ну это же я как вариант, - интонация резко переменилась, и громкий голос сжался почти что в лепет, - это я так, между прочим. Мне брюлики всегда нравились, думал, ты оценишь.

- Мне-то не ври. Ты сам, Саня, договор от справки не отличишь, такие идеи в твоей голове не рождаются. Ну-ка, колись, кто подсказал. Фокин?

Тут Сашок стушевался окончательно, поник головой, опустил очи долу, и замолчал. Вельтман, конечно,

не собирался, обижать его, но коль скоро от него, Вельтмана, чего-то хотят, следовало выяснить, кто и зачем, и он это выяснил. Тем временем в разговор снова вмешался лысый:

- Николай Маркович, президент просил передать Вам, что готов Вас простить и вновь принять на работу и на прежнюю должность при выполнении Вами определенных условий.

- Каких же именно? – Вельтман, конечно, и не думал в тот момент соглашаться, и спрашивал более из интереса.

- Во-первых, Вы должны прекратить Ваши разоблачения, и дать обещание впредь не заниматься подобным. Во-вторых, Вы должны будете отдать нам либо уничтожить, при нас, разумеется, все носители с инсайдерской информацией, которыми Вы располагаете. В-третьих, Вам будет необходимо в личном разговоре с Леонидом Алексеевичем признать свою неправоту...

- Чтобы он меня застрелил прямо у себя в кабинете? – Вельтман щелкнул зажигалкой, но высек только искры.

- Я уже говорил. Хотел бы Вас убить – уже давно убил бы.

- Ах, ну да, да. А в-четвертых что? – борьба за огонь, наконец, увенчалась для Николая Марковича успехом. Драконовские антитабачные меры до Намибии ещё не добрались, и курить за столом он мог в своё удовольствие.

- А в-четвертых, если Вы будете вновь приняты на работу в компанию, кто-то из сотрудников юридической службы должен быть уволен, ну а кто именно – договаривайтесь сами.

- Искупительная жертва?

- Нет, но в настоящее время компания старается не наращивать штат понапрасну, - лысый говорил все тем же монотонным, как робот, голосом, - а Ваше увольнение произошло только по Вашей вине.

- Я вообще думаю, - добавил Сашок, - что за экономией будущее. Санкции ввели, ставки оху...шие, если не будем экономить, вообще загнемся.

- Еда и Саул во пророцех! – сквозь струю дыма Вельтман наблюдал за удивленной физиономией Сашка с удовольствием, заглушавшим даже головную боль. Однако испытующий взгляд собеседника, который он ловил на себе, словно бы настаивал на серьезном тоне разговора:

- Ну, так все-таки, Вы согласны?

- Хм... А знаешь, в чем проблема? Я ему нужен, а он мне – нет.

- Ошибаешься, Коля, - снова подал голос Сашок, - вот как раз папе ты и не нужен.

Николая Марковича вся эта демагогия уже начинала раздражать, и он решил прибавить оборотов:

- В таком случае, на кой хрен вы сюда припёрлись? Камни? Саня, ну ты меня-то не смеди!

Вместо Сашка, однако, ответил его спутник:

- Вы меня извините, Николай Маркович, но здесь речь идет об интересах всей компании, и необходимость в Вас объективная. Не в алмазах дело, это так, к слову. Потом, президент простил Вас не по своему почину, его за Вас просили.

- И кто же? – Вельтман потушил сигарету и внимательно уставился на лысого. Какое бы имя тот не назвал, это звучало бы странно; память людская на добрые дела коротка, и он-то это знал лучше прочих.

- Софья Александровна, Кавелина, - все так же бесстрастно ответил Димон, - на одном из последних заседаний Правления она особо отметила Вашу роль в становлении компании и её последующем развитии, равно как и то, что в некоторых случаях без Вас не обойтись.

Вельтман выдохнул, да так и не смог вдохнуть; откинувшись на спинку стула, он обмяк, как сдувшийся шар; ещё несколько часов назад он подозревал женщину, которую он любил, и которая решила вытащить его отсюда

с намерением его убить, и от того непередаваемое, ужасное чувство стыда завладело им, сдавило грудь, перехватило дыхание. Это продолжалось долго, может быть, полминуты, а потом Сашок закричал куда-то в сторону входа в кафе:

- Э, бл..., ну вы что там, х...й дро...ите? Что так долго?

За этот-то зычный голос, как за спасательный круг, Николай Маркович ухватился, выйдя из оцепенения:

- Это Африка, господа. Привыкайте.

Привыкать им пришлось ещё не менее четверти часа, прежде чем Сашок, наконец, констатировал – с пеной на губах и каплями на подбородке:

- А пиво у них ничего, кстати.

Это Вельтман хорошо знал и сам, и на принесенные кружки взирал с таким нескрываемым вожделием, что сын президента сочувственно произнес:

- Ты, в натуре, завязывай бухать, - он достал из барсетки широкий блистер с какими-то таблетками, - печень-то одна. Вот, выпей.

- Синяя таблетка? – ухмыльнулся Вельтман. - Или красная?

Но Сашок опять его разочаровал:

- Да нет, вроде зеленая. А, хрен его знает, но с бодуна снимает только так. Папке всегда помогает.

Вельтман взял блистер, и, не разглядывая, засунул его в нагрудный карман.

- Ну так что, Коля? – Сашок снова отхлебнул пива. - Собирайся, да?

По интонации вопроса Вельтман понял, что перед ним раскрыты все карты, какие имелись, поэтому выпытывать у этого чудо-богатыря что-то ещё бесполезно. Тем более бесполезно что-то выпытывать у лысого Димона, который к тому времени уже утратил всякий интерес к Николаю Марковичу, и опять уткнулся в смартфон.

Требовалось принять решение, и Вельтман ещё некоторое время делал вид, что взвешивает все «за» и «против», хотя, в сущности, уже не раздумывал. Да и не мог он раздумывать: он обещал ей прийти, если понадобится, и вот, этот день, столь долго им ожидаемый, настал.

- Знаете, господа, что сказал Герцен перед смертью? Он сказал: отчего бы не ехать нам в Россию?

На другой день Сашок и его спутник отправились автобусом в Уолфиш-Бей, а Вельтман – самолетом – в Виндхук, и оттуда ночным рейсом вылетел во Франкфурт. Уже сидя в самолете, он подумал, что одно из преимуществ израильского (да и любого западного) паспорта состоит в его способности открывать очень многие границы, и ему, Вельтману, не пришлось тратить время на визовые формальности.

Он уже давно не предпринимал столь длительных путешествий. Узкое, неудобное кресло терзало его снаружи, волнение – изнутри, и заснуть он не смог, а потому все десять часов провел в одинаково бесплодных попытках читать под светом индивидуальной лампы, нестерпимо ярким в затемненном салоне, или же что-то разглядеть в черноте иллюминатора. Первые лучи рассвета, пойманные усталыми глазами, возвещали о скорой посадке, и казались спасением.

Огромный Рейн-Майнский аэропорт встречал его непривычным после тишины Людерица шумом и столь же непривычным множеством лиц. Каждое мгновение приносило с собой необходимость оборачиваться, прислушиваться, маневрировать в людском потоке. Даже в поезде-шаттле, везшем его между терминалами, приходилось держать себя в тонусе, чтобы ненароком не расслабиться, и не упасть на плечо соседа.

Потом были пять бесконечных часов в трансферной зоне в ожидании посадки на московский рейс. Ему очень

хотелось курить и ещё сильнее хотелось выпить, и кофе, безумно дорогой и невкусный, не помогал бороться с усталостью. Окончательно вымотанный, Николай Маркович уже начал подумывать, не сдать ли ему билет и не отправиться ли в отель, когда заметил в толпе, идущей со стороны паспортного контроля, знакомое – как ему показалось – лицо. Скорее чтобы чем-то себя занять, чем из подлинного интереса, он взгляделся внимательнее, и понял – не ошибся.

...высокая, одного роста с ним, женщина, худая и несколько сутулая, с небольшой грудью, угловатыми плечами и узкими бедрами. Каштановые волосы собраны в тугий хвост. Стекла очков бликуют в отблесках неоновых ламп. Вельтман не мог разглядеть её лица, но это было и не нужно. Он узнал её. Узнал ту, которую так часто представлял наяву и так редко видел во сне, ту, которую так мечтал и которую уже не чаялся увидеть. Ту, ради которой он всем пожертвовал. Ту, которую он любил.

Он вскочил с кресла, резко, высоко подпрыгнув, как будто и не было никакой усталости, и этим привлек к себе внимание – один изящный поворот головы. Она не окликнула, не побежала вприпрыжку, но направилась к нему – широким, быстрым даже для неё шагом. Вельтман так и стоял, как молнией пораженный, не двигаясь и почти не дыша, и не заметил, как она оказалась рядом, вплотную к нему – ближе, чем когда бы то ни было, ближе любой границы личного пространства, любой зоны комфорта.

Не говоря ни слова, она обхватила холодными ладонями его щеки, крепко сжала пульсирующие виски кончиками длинных пальцев, и прислонилась к его губам своими – такими же сухими, шершавыми и очень горячими. Это был странный поцелуй – ни к чему не обязывающий, но совсем не дружеский. Это был долгий поцелуй, и голос диктора успел начать объявление, и закончить его. Это был, возможно, вовсе не поцелуй – они стояли, сомкнувшись губами, не решаясь сделать более ни

одного движения, и обжигали друг друга дыханием. Она первой нарушила молчание:

- Я очень виновата перед тобой. Прости меня.

Он ничего не ответил, да и не мог ничего ответить, а только кивнул, слабо, едва заметно; он наслаждался её близостью, слушал её голос, и ему было почти все равно, что именно этот голос говорит.

- Что я могу для тебя сделать?

Впервые за очень, очень, очень много лет Вельтман не стал искать в словах никакого двойного дна и скрытого смысла, и в ответ попросил то, чего действительно больше всего хотел:

- Распусти волосы.

Она, кажется, совсем не удивилась этой просьбе. Резким и быстрым движением она отвела руку за затылок, и густые, жесткие волосы рассыпались по покатым плечам.

Только теперь Николай Маркович попытался разглядеть её получше, понять, что же изменилось в ней за эти годы. Не изменилось почти ничего. Только морщинки на лбу стали глубже. Только серебра в волосах стало больше. Только глаза выцвели, и из светло-голубых стали почти стальными.

Больная, измотанная похмельем и перелетом, голова лихорадочно пыталась сообразить, является ли их встреча случайной, или она подгадала так, чтобы попасть с ним на один рейс, и, если да, то каким образом. Эти мысли Вельтман, как назойливых мух, пытался отогнать прочь, уверяя себя, что ему совершенно всё равно, почему именно они встретились. И это было чистой правдой.

Кавелина же, видя его смятение, не пыталась ему мешать, и стояла молча, отведя взгляд в сторону. Лишь минуту, или, может быть, две спустя она предложила выпить кофе (до посадки оставалось ещё полчаса), и, не спрашивая его согласия, под руку повела к кафетерии. Он, конечно, позволил себя повести – ни сил, ни желания сопротивляться её воле у него не было...

Поляченкова Наталья Геннадьевна родилась 26 июня 1978 года в городе Искитим Новосибирской области. В 2007 году она была участником Всероссийского совещания молодых писателей в Каменске-Уральском, где и получила рекомендацию к приёму в Союз писателей России. Награждена администрацией Кемеровской области медалью «За веру и добро» (2008). Работает на кафедре гуманитарного образования и иностранных языков ЮИТПУ преподавателем иностранных языков. Живет в Юрге. Воспитывает троих детей.

Наталья Поляченкова
г.Юрга

Опять примчал Илья на быстрой колеснице
И эхо испугал раскатами с небес.
Он молнии метал карающей десницей,
И ветер тучи гнал на съезжившийся лес.

Тревожный листьев плеск, крик птицы-невелички,
Тропинки опустели, запутывая след,
И спряталась под лист созревшая брусничка,
Не дрогнул под дождем старик-велосипед.

А небо, порывав и разродившись громом,
Вдруг воссияло вновь, смахнув дождинки с век.
И снова мир предстал прекрасным и знакомым,
И, вымокший до нитки, смеялся человек.

Чужое счастье – не моё,
Оно магнит, оно загадка,
И кажется, у них всё гладко,
А надо мною – вороньё.

В окошках ваших яркий свет,
А я – случайный здесь прохожий...
Пеняю, что не вышла рожей,
Несу, наверно, полный бред!

И в темноту, где ночь поет,
Я убегаю без оглядки,
Со счастьем мы играем в прятки...
Чужое счастье – взятки гладки -
А так похоже на мое!

А помнишь платье на полу,
Фонарь струил потоки света...
Мы позабыли ночью этой
И про людей, и про молву.

Нам так хотелось в сотый раз,
Упасть в объятия друг друга.
А за окном смеялась вьюга
И разносила весть о нас.

О том, что утро настает,
Что надо в сказке ставить точку...
Теперь живем поодиночке,
А вьюга всё поёт, поёт...

Портрет

Я падаю на дно любимых глаз
Твоих, непредсказуемых, бездонных,
Я стану неродною и бездомной –
Портретом неоконченным Мадонны –
Мадонной в первый и в последний раз.

Портрет – ничто без быстрой, точной кисти
Художника, рисующего листья,
На осени потрепанном мольберте,
Где кисти взмах – от жизни и до смерти.

И спорить представляется напрасным,
Что черное – трагичнее на красном.
И ты смеешься как-то невпопад,
Отводишь быстро отчужденный взгляд,
Как будто быть художником не рад...

Пусть краски вновь перемешает осень,
И с нею быть мне нравится не очень,
Позировать желанья вовсе нет...
И, может, даже это и прекрасно,
Что черное – трагичнее на красном,
И неокончен был тобой портрет...

Ты соткан был из сладости и злости,
Из наважденья, как никто другой...
Но сердце принимало даже гвозди,
Забитые в него твоей рукой!

В храме

Стал мироточить лик «Державной»,
Заплакали вокруг старушки,
А батюшка кропил веснушки,
И ребяшня от брызг визжала...

В шубе рваной древний дед
Сгорбленный, как тополь старый,
Тихим голосом усталым
Просит денег на билет:
«На дорожку дай чуть-чуть...»
Будто бы единым вздохом,
Покорив последний путь,
Хочет обогнать эпоху.
Люди с сумками снуют,
До него всем им нет дела
Почему ж оторопело
Перед стариком стою?

Нужных слов не нахожу
И помочь-то как сумею?
И сама, деревеняя,
Деньги сунув, отхожу.

Близорукое блаженство,
Междометий миражи.
Плата за несовершенство –
На планете грешной – Жизнь.

С тобой жестоко пошутили-
Наполнили моей душой...
Такой счастливой и большой
Как будто бы приговорили.

И ты уже не ты:
То плачешь, то хохочешь
И от меня ни шагу. Ни на шаг
Ты больше уходить не хочешь
И мною не надышишься никак.
В твоих глазах мои глаза искрятся...
Лишь губы тонкие, они твои точь-в-точь,
И нам с тобою больше не расстаться
Пока твою целую, нашу дочь!

Он из ручья бессмертья воду пил,
И той водой не мог никак напиться...
Не потому ль тебя он попросил,
В тот миг живой водой оборотиться.

Он был таким естественным, как жизнь,
И жизнь из серых глаз его струилась...
Ты молча руки опустила вниз
И в ручеек журчащий превратилась.

Напился он и стал совсем седой,
Так, словно бы ты им пренебрегала.
Побрел домой, и всё ж живой водой
Ты по щекам любимого сбегала...

Максим Кучеренко родился 26 июля 1972 года в г. Симферополь – российский рок-музыкант, автор песен, поэт. Один из основателей и постоянный участник группы «Ундервуд».

После школы окончил медицинский колледж, и позже поступил в Крымский медицинский институт (г. Симферополь). Женат, растит двух дочерей и сына.

Максим Кучеренко г. Москва-Севастополь

История куклы

В немеркнущих лучах фарфоровой столицы
Я куклу подарил одной большой певице.
На кукле были крылья и юбочка из ситца,
И так хотелось кукле подаренною быть.

Коли судьба свела с землёй карело-финской,
Так, стало быть, логично в театре Мариинском,
Обосноваться кукле, как точно деве Римской,
Среди Орфеев-Муз прекрасное ловить.

И вот, сбежав однажды в гримёрной от хозяйки,
Она примкнула в тятре к мышиною серой стайке.
И пела и плясала и на правах зазнайки
В той труппе танцевала и дивою была.

Ах кукла..! Сколь для счастья тебе, сердешной, надо
Чуток аплодисментов, немного шоколада,
Вот нам бы так, без этого продюсерского ада.
Без нервов, без контрактов, без славы, без бабла.

Я видел страну

Тимуру Кибирову

Я видел страну, и страна улыбалась навстречу
Так сдержанно, краешком кроткого рта.
И я целовал её там, где остатки бинта,
Она целовала меня в богатырскую печень.

Я видел страну, и страна проплывала, как клин
Загадочных птиц в вышине, недоступной радарам.
А я надевал либертинский мундирчик гусара,
Ложился на землю и вновь оставался один.

Я вновь оставался один, я закатывал к небу глаза,
И как шопоголик в примерочной, глядя в своё отраженье,
Я мерял ландшафт, задыхался в головокруженье
И чресла совал в рукава, и слепила меня бирюза.

Застёгивал ворот, повязывал галстук дорог,
В карманы совал верстовых – это то ещё горе.
И место, где Волга впадает в Каспийское море,
Оставил открытым, лишь дёрнул рукой свитерок...

Простой свитерок из пушистой травы я надел
Есенин нах ё... (Но не будем) Всплакнуть захотелось.
Родная ты спишь? Ты сплошных чернозёмов наелась?
Наелась и спишь, безобразница. Где твой предел?

Я видел страну. Я глядел и почти засыпал,
Но из-за бугра пограничник красивый вставал.
Он выстрелил в небо, хотел напугать сатану,
А я растворился. Я помню, я видел страну.

Комменты к монологу Сони

Мы будем жить, мой милый дядя,
Мы, дядя Ваня, будем жить.
В метель и в зной на эстакаде
Терпеть, и ждать, и тормозить
Машину. В ней судьба – водитель,
Но чередою вечеров
Несчитанных шептал: «Простите,
За сто рублей на всё готов».
Трудиться для других согбенно,
Не покладая пыльных рук.
И там, за гробом, сокровенно
Мы постучимся: тук-тук-тук...
«Откройте, мы в слезах остыли
И над землёю поднялись.
Мы очарованные были,
Топтали грязь, и гниль, и слизь.
В тяжёлых «гриндерсах» ходили
И плакали, и вознеслись...»
И Господу нас станет жалко,
И милый дядя там внизу
Бессмысленною зажигалкой
Сверкнёт, в чём видели грозу
Мы неразумные и злые.
Я верую, мы отдохнём.
Мы отдохнем,
С высот скупые слезы угрюмые прольём.
Мы тучки просто будем, дядя.
И ангельский хрустальный глас
Нам пропоёт: «Ступайте ради..
В наш край небесный!
Вот алмаз!
А вот ещё один алмаз!
Все небо Господа для нас!»

И мы увидим: зло земное
Потонет в бирюзовой мгле!
Уж как хотелось нам с тобою
Из милосердия вовне
Прорваться в верхние пределы,
Где жизнь – как ласка, чистый пух
Мы отдохнём, пусть даже мелом
Тела распластанные вкруг
Рукой обводят детективы.
Я верую, мы отдохнём,
И не отыщут днём с огнём
Для нас ни гроба, ни могилы.

«Ну всё. Уже я не титан...»

Ну всё.
Уже я не титан...
Мне писем не писать во все края,
Как Горький мог.
Мне гимны не слагать, как мог Державин.
Мне выйти на золотой порог
Имперского успеха не дадено.

Назначить я могу «Пирацетам»
И словом добрым жизнь украсить
Отчаянной душе: вот мой удел.
На лире виртуозно не играю,
Зато товарищей собрать могу,
И быть почином в деле общем,
Чтоб пошуметь у самого Олимпа
В его подножии – пожалуйста.
Вот счастье моё.

Хотя случалось так.
Вот брегом я иду, и волны бьют о душу,
И мысли враз всё яростней, всё суше,

И облака чудесною грядой
В моих очах встают.
Друг мой!
Поверь я в замыслах – гигант,
Я сам себе целитель!
Я вижу сквозь эфир блаженную обитель.
И сила мне идёт незримою струей.
И, точно как сосуд, я силой наполняюсь.
Пропитываюсь враз эссенцией такой.
И сам себя боюсь. И сам себя стесняюсь.

Мой ум в сии минуты вдохновенны
Нащупывает враз субстанции нетленны.
И Горький и Державин во гробах
Себя не ощущают одиноко.

Мне сядет на плечо игривая сорока.
Мне на колени прыгнет барсучок.
«Ай да Максюшенька, ай сукин ты сучок!»

Детсад невидимых детей

Детсад невидимых детей.
Мы слышим смех и топанье, и скрип качели,
И хруст разломленной зубами карамели,
И звуки жизни прочие.
Заклей свой глаз и будешь ты пиратом,
Заклей другой и станешь ты невидим.
Я проведу тебя, и сторож не увидит,
Я отведу тебя к невидимым ребятам.

И некоторое время осязанье
Рук маленьких и их зверьков тряпичных
Рисует в темноте не то созданья,
Не то фантомы из альбомов горемычных.
Там фото групповое безмятежны,

Наивных, неразумных обезьянок.
Топтали годы их. И где вы, дети, где же
Вы – примы утренников и жильцы полянок?

Невидимая Vita. Вита dolce...

Растянется бурёнкин колокольчик
В тяжёлые призывные удары,
И Агния Барто мелькнёт с Тамарой,
С крестом и сумкой. Парой. На ненастье
Подымет Дон Кихот свои пожитки,
И Гамлет тот же в маленькой пилотке.
Там в умывальнике на кафельные плитки
Мой друг Серёга клеит переводки,
Там хлорный запах тот знакомый, очень лёгкий
Нырнёт в эмалированные вёдра,
И нянечка Венера из подсобки
С руками целыми возьмёт себя за бёдра
В рабочий миг, сдвигая хлопок платья.

В часы дневные, не способный спать, я
В стекло смотрел, где тусклый луч горит.
Там нет меня. Господь нажал дилит,
И в понедельник больше не болит

Детсадовское горло. Карантины
Среди чумы незримой точно карнавалы,
И мамы в спичечных коробочках рутинных
Сдают неподражаемые калы
Своих незримых чад,

Вкусивших пубертат,
Где позже ад свои разверзнул ниши.
И многие из тех ушли в тот край,
Где принято считать: шоу маст дай,
А говорить там принято чуть тише.

Алексей Гамзов вырос в Ленинске-Кузнецком, после школы выучился на журналиста в Кемеровском университете. 20 лет работает по специальности с небольшими перерывами. Объехал много стран, подолгу жил в Новосибирске, Москве, сейчас - в Юго-Восточной Азии. Стихи печатались в журналах различной толщины.

Книжки: "Полноценный валет" (2001 г., совместно с Д. Мурзиным), "Был таков" (2015г.).

Алексей Гамзов
г. Ленинск-Кузнецкий

Про зверей из тех, что
не еда
мне хватает текста
едва.
Ходом черных через
черный ход
зверь имеет дерзость —
идет.
Кони ходят рысью,
рысь — конем:
этакою близью
рискнем.
Как орлом пятак не
пал на пол,
пятак не звякнет
орел.

Вот он, страх лесной и
полевой,
вот он, поклик совий
и вой.
Кандидат на мясо,
на бобах,
дожидаясь часа
впотьмах:
за квасной, скромный
альфабет
переломит кто мне
хребет?
И не ты ли, Боже,
с полстроки
всадишь мне под кожу
клыки?

Я не бросал своих женщин,
я просто сходил на нет,
выскальзывал из тенет —
ниже, медленней, меньше —
приспосабливал старые клешни
для иных кастаньет.

Я не чурался отчизны,
я просто не верил ей,
выскальзывал из теней
очередной харизмы,
самодостаток жизни
чаял главней.

Я не был искателем правды,
я просто искренне лгал,
предпочитал карнавал,

прелести клоунады,
я сроду не знал, как надо —
я только слагал.

Высоких чувств не любил я,
я просто к ним не привык,
предпочитал плавник
отращивать, а не крылья,
от песенного бессилья
срывался на крик,

но в нем-то и было пенье.
А нынче — разлад и тишь.
На грани срыванья крыш,
на самом краю терпенья
скажи, что делать теперь мне?
что ты молчишь?

Не считая дороги

Трогаюсь, отправляюсь в путь,
пускаюсь за солнцем, хочу вернуть
дорогу страннику, соль - судьбе,
себя - самому себе,

дрожь рукам и калибр глазам,
корочке, сокровищам их сезам,
работу обуви, ритм душе:
пущу ее неглиже

взапуски, от стерни к стерне,
к последнему морю в чужой стране;
альтернатива, когда к стене
стена — это жизнь вовне

дома, тела, жилья вообще.
Дерзаю исход от «еще» к «уже»:
всем пятым точкам, ногам, углам
противоположность — там,

черт-те где, в некоем пункте Б,
которого смысл в самой ходьбе.
Иду, пусть ноги меня несут
неважно куда, не суть.

Послушай, замолкает хруст.
Уже никто не топчет хворост.
Смотри, я набираю скорость,
я пуст.

Смотри, дорога извилась.
Смотри, вот я уже и точка.
Я исчезаю, одиночка
из глаз.

Смотри, полсолнца над землей.
Смотри, я вхож в него без стука.
Я исчезаю, потому как
не твой.

Не твой, не свой, ничей вообще.
Еще мгновение — и кану.
Подобен и праще, и камню
в праще

шагнувший путник — сам себе
причина и объект движения,
род вызова и поклонения
судьбе.

Если хочешь, стремись, нефит,
к небесам,
ну, а мне и внизу не Аид,
но Сезам,
раз зима расплескала нефрит
по глазам,
будет море зеленого цвета.

Что по поводу робинзонад,
Робинзон?
Как насчет, Одиссей, сиренад
в унисон?
Над волной, как назло, то пассат,
то муссон,
не сезон, но не будем об этом.

Если хочешь, из дольных пещер
воззови:
— Отчего ты такой изувер,
визави?
— На войне, типа, ком а ля гер,
шурави, —
нам ответит незримый создатель.

Если хочешь, стихи эти рас-
половинь
пересоленной влагой из глаз
и глубин:
ты же слышишь — уходит от нас,
триедин,
не дождавшийся рифмы читатель.

Улзгыув Амарсана Дондокович. Родился в г. Улан-Удэ в 1963 г. в литературной семье. Публиковался в «Литературной России», в журналах «Юность», «Дружба народов», «Новый Мир», «Арион», «Журнал поэтов», "HomoLegens", «Байкал», «Рубеж», «Сибирские огни» и др.

Автор поэтических сборников «Сокровенные песни» (1986, предисловие Евг. Долматовский), «Утро навсегда» (2002), «Сверхновый» (2009, послесловие Александр Ерёмко), «Анафоры» (2013, предисловие Максим Амелин) Живёт в Улан-Удэ и Москве.

Амарсана Улзгыув
г. Улан-Удэ-Москва

Почему мгновенье

Из биллионов молний и мгновений,
Квадриллионов взрывов малых и больших,
Любой из дышащих, летящих и ползущих,
Тобой является и состоит.

И нет ни вечностей, ни личностей, и время
Идет само собой и думает тобой,
Поэтому во всем виновен,
Покуда тварью будешь бессловесной.

И нет покуда мирсотворенья,
Как нет и не было большого взрыва,
Тем более невинных, в том числе младенцев
Доколе будешь червь дрожащий.

Все будет как до этого и было
Вселенною и прочей чепухой,
Материей ты будешь и природой,
Мгновение пока не остановишь...

В сбывшейся мечте

Дом деревянный построил,
Дочка красавица, сын – пострел,
Солнце заходит и, слава Богу, восходит,
Сопки и степи вокруг.
Человеку что еще нужно!
Чем еще себя ублажить?
Поле поодаль выкосить что ли,
То ли стреножить коня?
Как же продлить это чудо простое,
Счастье нечаянно жить,
Сердце светиться не уставало,
Солнце не забывало взойти?
Разве не вымолить вечного чуда
Радость всегда невзначай?
Рай у Него не резиновый, знаю,
Дай Ему звезд без конца...
Дай Себе Боже вселенных побольше,
Тоже кому-нибудь дай
Дом деревянный построить,
Дерево посадить.

Всеземля

О, эта легкость кита в океане,
Облака лет в пламенеющей бездне,
Очи, горящие очи зебры летящей в саванне,
Ос невесомость тончайшей работы...

Не возлюбить, не обнять, не у сердца взлелеять -
Нет ей конца, тесноте этой, ибо.
Небо и звезды, земля, океаны
Не обратить - круговерть остановишь ты разве?...

Не укротить, как в гречихе жужжання –
Смертно так, никогда, ни в какую,
Неповторимую, не приручить для любви, бесконечность
Не воскресить, о душе уповая.

Как невозможно, ударившись оземь,
В камень, в траву обратиться, в планету
Не возлюбив, не пожертвовав ради
Снегом, дождем, золотыми лучами...

Шаман

Шаман бледнокожий похожий на редьку
Шаром земным, он пользуется, как бубном,
Простой кулинар-итальянец в прошлом,
Трусой вокруг жертвенного огня он скачет.

Он просит у своих итальянских предков
Подбросить бурятским сироткам немного счастья,
Он требует у забайкальских духов по разным болячкам,
В костре их сжигая, прекратить свои козни.

В Бурятии он будто родился и вырос,
Бурляндии разных талантов, поэтов и прочих,
Сам-то он в прошлом простой кулинар-итальянец,
Самый простой макаронник, рубаха-парень.

И после Зевса, и после Иисуса,
И Рима возле – душа по-прежнему просит веры,
Пусть вместо галилеянина - звезд горенье,
Листай вместе с нами новое небо.

Шаманы мстительны и опасны,
Дурманы прячут в своих карманах,
Шаманы трогательны и прекрасны,
Мечтой сияны они, как дети.

С землей планетой он вертится словно с бубном
С игрой на гитаре, мольбой о сиротках,
Еще он, камлая, из Библии что-то бормочет
Душою в небо жаворонками разлетаясь,..

Самовар

Как бежала Агафьюшка, по траве да по камушкам,
Кабы знала куда убегать, утекать,
Шибче хитрой лисы, гибче мамушки-реченьки
Шла-бежала, она, а в руках самовар.

А лежал ее путь через сопки таежные,
А бежала, Агафьюшка, от советских властей,
А проворною мышкою, с самоваром под мышкою,
От людей хоронясь, во родной Куналей.

Пой пичуга-заступница о беглянке-преступнице,
Гой еси, о восстании мужиков-кулаков,
Как в глухие тридцатые староверы бородатые
Казнь Господню устроили активистам-чертям.

А за это им было кому пуля в кулацкое рыло,
А кому – по этапу за Яблоновый хребёт,
Из Петров-Забайкальского жинка сбёгла кулацкая,
Жизнь беречь бесперечь - сберегла самовар...

Самовар, тульский пар, самоварище!
Сам поет, петь зовет сотоварищи,
О латунный живот можно греться,
Оживить умеревшее сердце...

Вот стоит он, пузатый, сияет,
Человеческий род продолжает...
Эх да что не пыль – поем - в полюшке запылялася,
Ох и запялялася...

Двустипшие с постскриптумом

на встречу шёл японец
навстречу шёл японец

P.S.

покуда рифму я искал
для первого японца
второй смиренно мир вдыхал
и шурился на солнце
он взглядом змея запускал
(и тот парил на фоне скал)
он смыслы бытия искал
он в круге рисовал овал
он ждал и шёл и шёл и ждал
чтоб я его зарифмовал
уже и рифму я нашёл
какую никакую
а он всё шёл и шёл и шёл
шёл каждый шаг смакуя
он жил и шёл он шёл и жил
не торопился не спешил
ведь он не шёл на встречу
он просто шёл навстречу

Человечек недалёкий, но близкий –
Мой лирический герой-современник,
Прозябающий в Хреновосибирске
Без зарплаты, иногда и без денег,
На правах, как говорится, на птичьих,
Что витанью в облаках не помеха...
Впрочем, чаще не орёл, так, синичка,
Просто день прожить – добиться успеха.
Мой лирический герой, он – романтик,
Хоть бывает и циничен до боли,

Верит черному коту и ромашке,
А тоска накатит верит и в Бога.
Мой лирический герой вне контекста,
Вне политики, религии, спорта,
Быть лирическим ему слишком тесно,
А героем так и вовсе – ссыкотно.
Мы во многом (не во всём) с ним похожи,
И я думаю, стихи начиная,
Вот сажу, пишу его, но возможно,
Это он сейчас меня сочиняет.

Читал стихи жене
О райской хижине...
С тех пор молчит жена,
Жена обижена.

Хочется спать. Постоянно.
Всё время хочется спать.
Только сползёшь с дивана,
И, прямиком – в кровать.

После кровати – ванна,
В ней так тепло дремать,
И видеть – сползаешь с дивана,
Чтоб, прямиком – в кровать.

вокруг весна и
плюс двадцать по цельсию
стою пинаю
лежачего полицейского

ну да неприлично
пинать лежачих
но так символично
но так заманчиво

С чемоданом и футляром*

Посвящается А.М. и А.М.

с чемоданом и футляром
я влачусь в центральный парк
где сейчас гуляют пары
выдыхая ртами пар
я приду займу скамейку
или лавочку займу
и не подберу копейку
а десятник подниму
закурю о чём-то вечном
и открою чемодан
чуя как крылатит плечи
рифма коих никогда...
а потом футляр открою
и ныряя с головой
из далёких непокоев
в беспардонный беспокой
я подумаю недаром
и почувствую не зря
я влачился по бульвару
с чемоданом и футляром
с недосыпа с перегаром
на гуляющие пары
зенки красные хмурия

*«Чемодан» - книга Анатолия Маковского,
«Футляр» - книга Антона Метелькова.

Максу Жукову. Диптих

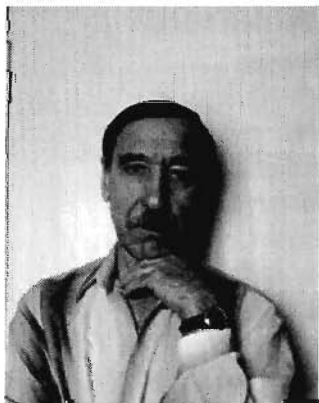
1

Утро начинается с субботы.
Поднимайся, Феникс, из трухи.
Денег на стихах не заработать,
Так зачем вообще писать стихи.
Шевели артрозными крылами.
Урождённых временем лихим
Девушек - не соблазнить стихами.
А зачем ещё нужны стихи.
Так лети иль топай за баблосом
Хошь работай, а не хочешь - грабь,
Или даже стань единоросом...
Сколько ж можно по ночам сгорать.

2

а не так уж и давно это было
в школе номер 176.
ты старался МАМА вывести МЫЛА
я – впервые под юбку залезть
ты еще поди любил барбариски
я уже всю стрелял сигареты
ты в москве а я так в новосибирске
и не думали тогда что – поэты

так случилось.стихи – наша мания...
что-то видимо все-таки есть
в этом слово-число-сочетании
школа номер 176.

Василий Дмитриевич Гуляев родился в 1949 году в Кемеровской области. Образование 10 классов. Работал сначала на заводе сварщиком, потом более 30 лет строителем. Стихи писать начал ещё в школьные годы, первые публикации появились в армейской газете во время службы в Армии. Изданы две стихотворные книги, так же есть подборки стихов в нескольких коллективных сборниках.

Василий Гуляев
г. Ленинск-Кузнецкий

Мы чужие

Мы чужие с тобой.
Мы шагаем по разным дорогам
и счастливее нас в этом мире напрасно искать,
никогда-никогда
я волос твоих светлых не трогал,
никогда не хотел
наши встречи продолжить опять.
И совсем не с тобою
меня поезда разлучали,
и, конечно, не мне
адресованы письма твои.
Это вовсе Другая
являлась причиной печали,
стороною от нас
пробегали весною ручьи.
Но зачем же тогда
голос твой долетает оттуда
и знакомым огнём,
улыбаясь, сияют глаза?

Я тебя не люблю.
Это - просто какое-то чудо,
что вдруг вспомнилось всё,
хоть не верю давно в чудеса.

Ещё не всё унёс осенний ветер

Ещё не всё унёс осенний ветер,
Ещё не вся осыпалась листва
И первый иней прячется в кювете,
И не забылись нежные слова.

Глаза друзей, как прежде справедливы,
Хотя немало нажито врагов.
А чувства, словно вешние разливы
Не ведают границ и берегов.

Проклюнулась сквозь скорлупу рассвета,
Прохладная дневная синева.
Ещё не всё унёс осенний ветер,
Ещё струятся нежные слова.

Бараки

Мчатся годы, меняются даты,
От забот я мрачнейю лицом.
Как же дружно мы жили когда-то
Я с сестрёнкой и мама с отцом.
В камышитовых недрах барака
Под прицелом соседских зрачков
Ни обид не таили, ни страха,
Хоть и спорили до кулаков.
Не страдали кошмарными снами,
Бакалеей дурачили кровь,
Незаметно и буднично с нами
Жили Вера, Надежда, Любовь.

Деревенское, что ли, начало
В нас держалось, как моль в сундуках,
И нередко гармошка дичала
У родителя в пьяных руках.
Но состарились наши бараки,
Хоть нутром ещё были крепки,
И бульдозеры, точно собаки,
Разорвали их плоть на куски.
Сиротели деревья бездомно,
Задыхаясь в горячей пыли,
Но стремительно, шлакобетонно
На руинах "хрущёвки" росли –
Непутёвые акселераты
В обязательных пять этажей.
Да, конечно, все были им рады,
Только что-то сломалось в душе,
Будто те же бульдозеры грубо
Зацепили её невзначай,
И пошло незаметно на убыль
То, что раньше лилось через край.
Громким песням подрезали крылья,
А в глаза нацедили свинцу,
Бакалейные лавки закрыли
И скучает гармонь по отцу.
Получая ключи от квартиры,
В суетливом быту городском,
Мы, как все, отделились от мира
Недоверчево-мутным "глазком".
Вроде всё даже лучше, чем прежде:
Есть балкон, есть вода, туалет,
Только Веры, Любви и Надежды
Меж удобствами этими нет.

Весна кончается не в мае

Весна кончается не в мае,
Она кончается тогда,
Когда нас друг не понимает,
Когда уходят поезда,

С людьми родными разлучая,
Когда вершат не правый суд
И нам не только чашки чая -
Глотка воды не поднесут.

Весна на цыпочках приходит,
Порой не зрима, не слышна.
Ни что не изменилось, вроде,
Лишь сердцем чувствуем - весна.

Метут ли зимние метели,
Осенний дождь ли в окна бьёт,
А нас бессонница с постели
Весенним зовом позовёт.

Весна рождается, как чудо
Из глаз, из слов, из тишины.
Она приходит к нам, покуда
Мы нежных слов не лишены.

Я живу не для кого-то

Я живу не для кого-то,
Не на зло, не вопреки,
Куликом - хвалю болото,
Корчусь ночью от тоски.
Рою яму долговую,
Может, в ней отрою клад,

Вот тогда и запирую,
Сразу жизни стану рад.
Я куплю у моря замок,
Пусть он будет не велик,
У Фортуны стану замом.
...А сегодня я - кулик.

Ты такую оказалась

Ты такую оказалась
Непосредственной и милой,
Прогнала мою усталость,
Все недуги исцелила,
Слов горячих не жалела
И на ласки не скупилась,
Ты красиво и умело
Ночью той распорядилась.
Проводила до порога,
Обняла, поцеловала.
Я считал, что знаю много -
Оказалось - очень мало.

Литературно-художественное издание
«ОБРАЗ»

50 00
Главный редактор: Д.А. Филиппенко

Редколлегия альманаха:

С.В. Уланова

Ю.В. Сливина

С.В. Логинов

О.А. Шмакович

Компьютерная вёрстка: Д.А. Филиппенко

Корректор: Ю.В. Сливина

Автор Проекта: Д.А. Филиппенко

ББК 023

023 Сборник литературных произведений.—

Ленинск-Кузнецкий:

Литературный альманах «Образ», 2016. 98стр.

023

Все произведения и материалы, опубликованные в альманахе, охраняются законодательством РФ об авторских и смежных правах. Воспроизведение публикаций альманаха в каком-либо виде без письменного согласия редакции не допускается.

При перепечатке ссылка на альманах обязательна. За достоверность фактов несут ответственность авторы опубликованных материалов.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Редакция оставляет за собой право на литературную правку рукописей, не вступаю в переписку с авторами. Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.

Справки по e-mail: dimoet@yandex.ru

© Сборник литературных произведений, 2016

© Литературный альманах «Образ», 2016.

Подписано в печать 09.06.2016 г. Формат 60х80/16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Times». Тираж 50 экз. Заказ № 364.

Отпечатано в ООО «Офсет».

г. Кемерово, 650055, ул. Пролетарская, 9.

Тел. (3842) 34-96-41, тел./факс (3842) 34-90-69

